

Паранойя. Почему он?

Автор:

[Полина Раевская](#)

Паранойя. Почему он?

Полина Александровна Раевская

Паранойя #1

Что важнее: семья, дружба или любовь? Идиотский вопрос, знаю. Но жизнь не стесняется и стебется по полной, ставя перед подобным выбором. Я часто спрашивала – почему он? Почему я? Почему все мы? Но ответов не находила, только предлоги, чтобы прийти к подруге и хоть краем глаза увидеть его, почувствовать на себе его взгляд, услышать вкрадчивый голос и смаковать каждую секунду, а потом ненавидеть себя за эту пошлую, грязную влюбленность в главного человека в жизни моей подруги – в ее отца. Содержит нецензурную брань.

Полина Раевская

Паранойя. Почему он?

Пролог

«Только попробуй полюбить человека – и он тебя убивает. Только почувствуй, что без кого-то жить не можешь, – и он тебя убивает.»

К. Макколоу «Поющие в терновнике»

Начало 2000-х годов

– Не... не подходи, – дрожа, хриплю сорванным голосом, пятаюсь к стене, заламывая содранные в кровь пальцы. Меня до сих пор колотит, как припадочную от ужаса.

– Маленькая, – шепчет он на выдохе, замерев в шаге от меня. Лицо белое, как полотно, напряженное, а в глазах, в тех самых, в которых еще пару часов назад отражался лютый холод и безразличие, теперь столько вины, что меня начинает скручивать от едкой, как щелочь, сжигающей напрочь, ненависти.

Задыхаюсь, не могу его видеть, находиться с ним рядом не могу. Наизнанку выворачивает. Насквозь прошибает яростной болью. Он же скользит по мне взглядом и бледнеет еще сильнее. Смотрит на мои окровавленные руки все в занозах и земле, и не выдерживает, отводит взгляд.

Усмехаюсь, не скрывая отвращения и горечи.

Правильно, не смотри. Не думай, как я билась в истерике, как скребла доски, сдирая кожу; как рвала связки, звав тебя на помощь, не веря, что ты способен на такое зверство. Не смотри, любимый, пусть тебя совесть не мучает. Хотя, о чем это я: где ты, а где совесть?!

Долгов, подтверждая мои мысли, преодолевает разделяющее нас расстояние. Отшатнувшись, ударяюсь головой об стену. Зажмурившись от боли, втягиваю с шумом воздух, и меня окутывает любимый запах: смесь мяты, сигаретного дыма и чего-то такого густого, терпкого, приглушенного дорогим парфюмом. Меня ведет, каждый нерв вибрирует, как и всегда, от аромата его тела, благодаря которому я узнала, как пахнет моё собственное. Впрочем, всё во мне, как в женщине, открыто этим мужчиной. И сейчас от этой мысли невыносимо больно и горько. За что он мне? За какие грехи меня им наказали? Что я успела такого сделать, чтобы тащить столько времени на себе груз этих отношений, и в конечном счете быть отданной, словно кусок мяса на растерзание шакалам? За что, Господи?! За что?

Слёзы обжигают глаза, а в следующее мгновение мир замирает: звуки исчезают, запахи, чувства – всё перестаёт существовать, кроме Долгова, опускающегося передо мной на колени.

– Прости меня! Я не мог иначе, Настюш. Это был единственный выход, – шепчет он, уткнувшись в мои израненные ладони, осторожно касаясь их горячими губами, разъедая солью мои раны.

Конечно, ты не мог иначе. Иначе ты даже и думать не стал бы. Ты своё никому не отдашь, лучше в расходпустишь, кого не слишком жалко, но никто тебя на колени не поставит. И сейчас ты не на коленях передо мной, а просто гнёшь свою линию.

Вот только во мне больше гнуть нечего. Сломана. И внутри всё медленно, мучительно угасает, оставляя лишь холод и мёртвую пустоту, которую не заполнить ничем, ни воскресить. Долгов разрушил всё до основания, растоптал, уничтожил. И ничего больше не осталось: ни слёз, ни страха, ни любви. Всё там – в той могиле. И я – та я, что любила этого мужчину больше жизни; что всей своей душой безгранично ему верила; что готова была простить ему всё, я тоже там: заживо похоронена любимыми руками. И этого не забыть никогда, не исправить. Это конец.

Но Долгов не понимает, продолжая что-то лихорадочно высматривать в моём лице.

Нет там ничего, Серёженька. Стер ты всё набело. А казалось, сделать мне больнее уже просто невозможно, но ты смог. Опустил на самое дно, умылся моими слезами, а теперь думаешь, что прощу и пойму?

Не пойму никогда! Потому что я бы за тебя отдала всё на свете. Я бы лучше сдохла рядом с тобой, чем позволила тебе пройти через что-то подобное.

Глава 1

«Что ж, наверное, все матери немножко слепы и не понимают своих дочерей, пока не состарятся и не перестанут завидовать их молодости.»

К. Маккалоу «Поющие в терновнике»

Конец 90-х годов

– Я в шоке! У неё уже реально старческий маразм. Поставить тебе неуд – это немыслимо! Да ты английский знаешь лучше неё, – возмущалась мама, поправляя макияж, хотя на мой взгляд, он был безупречен. Но у Жанны Борисовны критерии безупречности разительно отличились от моих, поэтому (не считая еще тысячи других причин) мы редко находили общий язык.

– Ну, она, как видишь, придерживается другого мнения, – отозвалась я совершенно индифферентно, так как эта тема за два часа набила оскомину. Я вообще-то пришла обсудить возможность моей поездки на тату-конвенцию в Париж, а не мыть кости англичанке, которая и без того достала в колледже. Но маму больше волновали мои баллы, нежели мечты.

– Да кому интересно её мнение?! Все знают, что уровень твоего английского выше среднего! – вполне предсказуемо взорвалась она, я же приготовилась к очередному разгромному спичу в адрес некомпетентности наших преподавателей, устаревшей системы образования и конечно же, закостенелости папы Гриши, не позволяющего отправить меня учиться за границу. Всё это я уже слышала пятьсот тысяч раз, поэтому не особо вслушивалась.

Откинувшись на прикроватный пуфик, вытянула ноги к потолку и стала рассматривать новенький педикюр. Мне не нравился красный цвет, но мама настояла.

«Красный лак – это классика, он подойдет ко всему.» – говорила она.

Спорить же из-за такой мелочи сейчас было ни к чему. Я безумно хотела поехать на фестиваль, поэтому старалась маму лишний раз не бесить. С меня не убудет походить неделю с красным лаком. А вот для мамы все эти мелочи крайне важны. Раньше меня ее придурство в духе «аля светская львица» выводило из себя, сейчас отношусь к нему гораздо спокойней и на многое закрываю глаза.

«Жизнь состоит из мелочей!» – любит повторять мама.

И, пожалуй, теперь, когда моя поездка вполне может сорваться из-за неправильного выбора лака и тому подобных тонкостей, я склонна согласиться с

ней.

Речь мамы, меж тем, достигла кульминации, и когда прозвучало сакраментальное: «Я это так не оставлю!», я обратилась в «слух» и решила вмешаться. Мамина скандальность и без того уже стал притчей во языцах. Не хватало еще и мне оказаться участницей этого Марлезона.

– Мам, давай, ты не будешь вмешиваться в мои дела. Это всего лишь оценка за контрольную, – вполне миролюбиво попросила я, поднимаясь с пуфика.

– Настя, сегодня это всего лишь оценка за контрольную, а завтра – это вся жизнь! – обернувшись, жестко припечатала мама. Что-что, а лозунги в стиле Дейла Карнеги(1) были её коньком, и следующая фраза это только доказывала. – За своё, чего бы это не касалось, нужно бороться, зубами вырывать, по головам идти и шеи сворачивать – так и только так достигаются цели в нашем мире и исполняются мечты! А если будешь на всё закрывать глаза и отмахиваться, то и Вселенная их закроет, и отмахнётся от тебя и твоих желаний.

Пожалуй, я бы посмеялась над столь вопиющим пафосом. Но когда сей пафос исходит от женщины, прошедшей путь от девочки из неблагополучной семьи до жены генерал – майора авиации через переезд из глубинки в столицу, раннюю беременность, неудачный брак, безденежье и кучу проблем, то согласитесь, вряд ли это уместно, а учитывая мой жизненный опыт, равный нулю, и вовсе глупо. Глупостями же я не занимаюсь от слова «совсем». Да и как иначе, когда твой отчим – старый вояка советской закалки?! Дисциплина, порядок и благоразумие – наше всё. Поэтому спорить с мамой на тему выживания я не собираюсь. В том, что касается достижения целей она профессионал, иначе мы бы по-прежнему жили в комнатухе на подселении в Печатниках, а не в шикарном доме на Рублево – Успенском шоссе. И всё же, несмотря на непоколебимый авторитет мамы в данном вопросе, мне хочется верить, что общество не настолько примитивно и жестоко, как она расписывает. Но с ней я, естественно, не стала делиться своими наивными мыслишками, а решила просто подразнить.

– Отлично! Тогда разреши поехать на фестиваль, иначе я сбегу из дома и поеду автостопом, – подмигнув, поставила я в шутку ультиматум. А чего ходить вокруг да около? Раз мама говорит, что своё надо зубами вырывать, значит – буду зубы показывать. Я девочка послушная: советами мамы не пренебрегаю.

– Ой, ну уела, – закатила она глаза и снисходительно улыбнулась. – С папой Гришей поделись своими планами, пусть посмеется.

– А мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним, – продолжала я гнуть свою линию.

Мама же замерла с карандашом в руках и скосила на меня свои кошачьи, зеленые глаза. Если бы её сфотографировать в это мгновение, то фото можно было смело помещать на обложку журнала, мама была великолепна. Я в который раз поразилась, насколько она красивая женщина: высокие, ярко-выраженные скулы, пухлые губы, изящный носик и копна густых, слегка вьющихся волос когда-то темно-русого цвета, ныне же эффектного платинного. Не мудрено, что папа Гриша потерял голову и ушёл из семьи: мама неотразима. К сожалению, мне из этого с ног валящего арсенала досталось немного: только цвет глаз, чувственные губы и мои шикарные, золотистые волосы, всё остальное – папино: симпатичное, милое, но не более. Такая вот несправедливость.

Пока я сетовала на природу, создавшую не самую удачную генетическую комбинацию, мама делала тоже самое только в адрес моего «зэковского» хобби, собирая в кучу всевозможные стереотипы и небылицы.

– Боже, вы как с аула какого-то, честное слово! – не выдержав, воскликнула я. – Уже давно во всём мире тату является одним из видов авангардного искусства, вышедшего за пределы преступной среды.

– Да мне плевать, чем там оно является во всём мире! У нас в России твоё «авангардное искусство» – это золотые купола, уголовники, наркоманы и конченные фрики, и я не хочу, чтобы моя дочь хоть как-то была с этим связана! Почему нельзя просто заниматься живописью на холсте, как все нормальные люди?!

– Потому что я ненормальная! Устроит тебя такой ответ? – огрызнулась я и направилась к двери. Слушать этот бред из раза в раз мне надоело.

– Меня устроит, если ты выкинешь из головы всякую дурь и займешься исправлением английского! – повысила мама голос.

– Ага, уже лечу, – съязвила я, открывая дверь.

– И полетишь! Запомни, не дай бог я увижу у тебя на теле какие-то художества, я...

– Ты срежешь их ржавым ножом, я помню, – закатила я глаза, не скрывая скептицизма.

– Срежу, не сомневайся!

– А я проверю, тоже можешь не сомневаться, – запальчиво бросила в ответ, но не столько даже от злости, сколько от бессилья, понимая, что фестиваля мне не видать, как своих ушей. Конечно, я могла бы взбунтоваться: купить билет на самолет и даже пройти регистрацию, но скорее всего, на этом мое приключение и закончилось бы. Моему отчиму тут же доложили бы о моем демарше, и меня без лишнего шума сняли бы с рейса. Добираться же автостопом с какими-то мутными типами я бы никогда не решилась. Для этого нужно быть безбашенной и, наверное, чуточку безмозглой. К счастью или к сожалению, я такой не была. И прежде, чем что-то сделать, четко представляла последствия. Однозначно, тату – конвенция не стоит того, чтобы быть изнасилованной, загреметь в тюрьму или еще что похуже.

– Поговори мне ещё! – меж тем, спокойно отрапортовала мама и продолжила рисовать свои фирменные стрелки, уверенная, что беспокоиться ей не о чем.

В общем-то, так оно и было, только вот татуировка у меня все же имелась, но не в качестве протеста или мечты. Я вообще, как ни странно, не горела желанием «забиваться», мне просто нравилось рисовать на коже, оставляя на ней сокровенный отпечаток: память о чем-то дорогом, любимом, а порой, и ненавистном. Каждый сеанс подобен таинству, во время которого человек приоткрывает мастеру свой внутренний мир и позволяет отразить кусочек этого мира на своем теле. Кто бы что ни говорил, а я убеждена, что любая татуировка несет в себе печать нашей души. Даже если эта татуировка сделана по пьяни или, например, в интимной зоне, как у меня.

Да, тату на лобке – такая вот пошлятина, но как мастеру мне было важно понять, что чувствует клиент: насколько это больно, страшно и неприятно.

Единственное же место, которое никто бы не увидел, было у меня в трусиках, и дело даже не столько в родителях и их строгом запрете, просто я еще не придумала «ту самую» татуировку, которую хотела бы выставить на всеобщее

обозрение. Да и не случилось пока в моей жизни ничего грандиозного, чтобы вдохновиться и наполнить рисунок особым смыслом.

За свои восемнадцать лет я ни разу не влюблялась, ни по кому не страдала и не убивалась, как многие мои знакомые девчонки, которым я набила в честь «несчастной любви» памятные рисунки. У меня не было особых взлетов, впрочем, как и падений. Я жила ровно и почти спокойно (в те дни, когда не приезжал мой персональный кошмар): училась, занималась рисованием, тайно подрабатывала в одном салончике тату-мастером, чтобы набить руку и набраться опыта. По выходным гоняла на велике, играла на ударной установке в гёрлз -бэнде таких же самоучек, как и я, и мечтала однажды подхватить волну, и выйти в передовики среди татуировщиков, когда в нашей стране, наконец, поймут, что тату – это не уголовщина и наркота, а искусство. Пока, конечно, в это слабо верилось, но я твердо убеждена, что это только пока. Мода – явление сокрушительной силы, она способна перевернуть сознание людей в два счета. И поскольку западные селебрити активно популяризируют это направление, то ждать, когда бум тату дойдет до нас осталось недолго. Именно поэтому я так хотела попасть на фестиваль.

Мне просто жизненно необходимы новые впечатления, информация и знания. Я мечтала поучаствовать в различных конкурсах, в мастер-классах от лучших татуировщиков мира да и просто посмотреть, как они работают, как создают свои шедевры. Упустить такую возможность – застопориться на одном месте и позволить моим конкурентам обойти меня уже на старте.

Нет, я должна что-то придумать. Мама права: за своё надо бороться, иначе мечты так и останутся мечтами. И я буду бороться. Буду! Тем более, что ничего такого криминального и страшного в моей мечте нет. Вот только как убедить в этом родителей?

Врать? Не умею я. Недоговаривать – да, но выдумывать небылицы – это не моя тема. Вернее, выдумать-то я могу да еще какие, но вот заставить в них поверить хотя бы саму себя у меня ни за что не получится. Секрет же успешного вранья, как говорит моя Лиза – мамина сестра, заключается как раз в том, чтобы безоговорочно верить в собственные выдумки, когда толкаешь их в массы. Я не верила, как ни старалась. Во мне вообще актерских талантов не было ни на грош, поэтому лгунья из меня получалась аховая. Однозначно, нужно было придумать что-то другое...

– Настя, ты вообще меня слышишь?! – отвлѣк меня от моих умозаключений возмущенный мамин голос.

– А? Что ты говорила? Я задумалась.

– Я вижу. Летаешь вечно в облаках, как твой папаня. Тот тоже всё где-то не в реальной жизни находился, – завела мама свою любимую шарманку. День прожит зря, если она не послала моему отцу хотя бы один словесный кирпич в голову. Естественно, все они летели через меня.

Когда я была помладше, мне казалось, что мама меня ненавидит, я чувствовала себя ненужной, более того, обузой. С возрастом это ощущение никуда не делось, но я стала лучше понимать маму.

Ей ничего не далось на голубом блюдечке. Всё, что она имеет, вырвано у этой жизни теми самыми зубами, про которые она так любит говорить. Расти они у неё начали аж с пятнадцати лет, так как моя бабушка (которую я никогда не видела) из любительницы выпить превратилась в алкоголичку, и маме пришлось подрабатывать, чтобы прокормить себя и младших сестер. Где она работала для меня до сих пор загадка, мама не любит распространяться о своей юности, а Лиза просто отмахивается, что наводит на определенные мысли, которые хочется гнать от себя подальше. В восемнадцать мама переехала в столицу и поступила в медицинский колледж. А потом, на одной из студенческих вечеринок встретила моего папу и пропала. Он учился на художника – мультипликатора, был творческой натурой в вечном поиске вдохновения, смысла бытия и работы. Мама влюбилась без памяти, как и он, будучи ценителем всего прекрасного. Она была его музой, он – её счастьем. Но через девять месяцев родилась я, и на смену романтике пришла реальная жизнь: «Счастье» оказалось совершенно не приспособлено к труду, а «Муза» напрочь лишена какой-либо глубины, будучи «приземленным, алчным созданием, пекущемся лишь о хлебе насущном». Но, тем не менее, их брак продлился семь лет. Мама, взвалив на свои плечи всю материальную ответственность, пахала в три смены, папа пребывал в творческом поиске, доучивался и занимался мной.

Для меня это было чудесное время. Папа всегда был рядом, играл со мной, учил меня всему. Именно он привил мне любовь к рисованию и музыке, научил читать, писать и считать. Он был моим лучшим другом, которого мама однажды просто взяла и выкинула из нашей жизни, собрав вещи и переехав из бабушкиной квартиры в комнату на подселении. Разрыв родителей я переживала очень

тяжело. Винила во всем маму, более того, ненавидела ее, о чем ни раз говорила и за что серьезно огребала. Мама не гнушалась меня бить, и за это я ненавидела её еще больше. Но стоит признать, пощечины, разбитые, порой, в кровь губы и ремень поубавили во мне спеси: больше я не позволяла себе высказывать маме какое-либо недовольство в грубой форме, научилась в семь лет быть самостоятельным ребенком и всю работу по дому взяла на себя. Как ни странно, но злобы и обиды на мать я не затаила, хотя понять и смириться с тем, что она бросила папу смогла только сейчас.

В восемнадцать лет начинаешь задумываться об отношениях между мужчиной и женщиной, мечтать о любви и представлять того самого – единственного и неповторимого. Оригинальной в этом вопросе я не была: как и все хотела видеть рядом с собой сильного мужчину, на которого всегда можно положиться, опереться, усесться и свесить ноги, а не мальчика, которого придется кормить и воспитывать на ряду с собственным ребенком. Поэтому маме можно было только посочувствовать. Папа, он хоть и хороший человек, но на идеал мужчины вообще ни разу не тянул. К счастью, судьба, точнее – мамы острые «зубы» подарили ей папу Гришу, который в общем-то тоже идеалом не был, но имел такое «плечо», на которое опираться можно было хоть всей толпой. Большого моей маме и не требовалось. У неё вообще, как и у Оскара Уайльда, был абсолютно непритязательный вкус: ей вполне хватало самого лучшего.

Закрепив свое положение на «плече» папы Гриши рождением моей сестры Каролинки, она, наконец, успокоилась и кажется, даже почувствовала себя счастливой.

Хотя в такие моменты, как сейчас я в этом сильно сомневалась. Не знаю, что маму так задевало, но когда дело касалось папы Андрея, она вскипала моментально. А уж с тех пор, как он женился, и наконец, начал хорошо зарабатывать, устроившись на детском канале, вообще рвала и метала, заявляя, что папина Лида получает её дивиденды.

Если бы не знала маму, решила, что она ревнует. Но причина гораздо прозаичней: просто моя мамочка самая настоящая стерва, и меня часто подмывает сказать ей об этом. Вот только мои губы до сих пор помнят, каково это быть разбитыми, поэтому приходится помалкивать в тряпочку, что я и делаю, пока мама в очередной раз проезжается катком по папе.

– Настя, ты опять меня не слушаешь, – раздраженно заметила она.

– Слушаю, – машинально заверила я её и взглянула на себя в зеркало, которое тут же обличило меня даже в такой мизерной лжи: уголки губ предательски подрагивали в попытке сдержать невольную улыбку. И вот вечно так – как дура лыблюсь чуть что.

Мама тоже в курсе моей этой неконтролируемой мимики, поэтому недовольно вздыхает, качая головой.

– Ладно, я пошла, – посчитала я за лучшее, наконец-таки, ретироваться. Необходимо было продумать, как штурмануть папу Гришу, ибо всё всегда зависело именно от него. Если папа Гриша против, то уже неважно, кто разрешил.

– Переоденься к ужину, возможно приедет Елисеев, – предупредила мама, я кивнула и бросила взгляд на свои золотые часики Longines – подарок, кстати, вышеупомянутого Елисеева на совершеннолетие.

До ужина оставалось всего лишь полчаса, поэтому о том, чтобы прокатиться на велике и обдумать план, как подступиться к папе Грише, не могло быть и речи. Опоздание на ужин в нашей семье приравнивалось к семи смертным грехам.

«Дисциплина – основа всего!» – повторял папа Гриша и карал по всей генеральской строгости за её нарушение.

Под раздачу мне попадать совершенно не хотелось, поэтому время до ужина я решила убить в библиотеке, выбрать чтиво на ночь – что-нибудь жуткое. Кто-то наверху расценил мой запрос по-своему, и на глаза мне попала скандальная «Эммануэль». Особого желания погрузиться в мир чьих-то эротических фантазий у меня не было, но все же любопытство пересилило. Что ни говори, а скандальные вещи обладают каким-то запредельным очарованием, поэтому я взяла книгу и, усевшись на подоконник, решила пролистать пару страниц. От первой же сцены в самолете пришла в легкое недоумение, но после второй мне стало всё предельно ясно, и открыв концовку, я убедилась в правильности своих умозаключений: долгий (аж в двести страниц) путь новоявленной нимфоманки от одного члена к трем через разномастных мужиков и баб, смену локаций и поз. Зашибись интрига и скандал!

Поморщившись, я уже хотела встать и вернуть эту чушь на место, как за дверью послышались мужские голоса. Отшатнувшись, взглянула на книгу в своих руках, а после на шкаф, до которого добежать я не успевала, и у меня внутри все оборвалось от стыда и ужаса. Быть застуканной папой Гришей за чтением порнухи – что может быть хуже? И ведь не спрячешь её нигде! Поэтому, когда ручка двери повернулась, я совершенно машинально задернула портьеру, прижалась к холодному стеклу и, сжав проклятущую книженцию, застыла, не дыша.

– Проходи, Владислав Петрович. Жанна в кабинете очередной ремонт затеяла, так что пока моя вотчина здесь, – раздался громopodobный голос папы Гриши, от которого у меня поджилки затряслись.

Господи, если отчим меня здесь обнаружит, то мне не то, что тату-конвенция не светит, я вообще света белого больше не увижу! Но выползть из своего укрытия с моим «талантом» врать – фатальная идея. Папа Гриша в момент поймет, что я затеяла какую-то фигню, раз спряталась на подоконнике. И он ведь не успокоится, пока не докопается до сути, так что лучше сидеть и надеяться, что пронесет.

– Ох, уж эти женщины: вечно им что-то надо, – поцокал Владислав Петрович, усаживаясь, судя по звуку, в кресло.

– Не говори, дурная голова рукам покоя не дает, – поддакнул папа Гриша и предложил. – Выпить что-нибудь хочешь?

– От коньячка не откажусь.

Вскоре зазвенел хрусталь, зачиркали зажигалки и воздух наполнился густым ароматом кубинских сигар. Мне стало дурно. Если они решат проветрить библиотеку, можно не раздумывая, прощаться с жизнью. Но пока, к счастью, мужчины были заняты своими маленькими радостями, к которым уже в следующее мгновение подключили большие и серьёзные дела.

– Гриша, ты обдумал моё предложение? – перешел Елисеев к цели своего визита. – Медлить нельзя. У этого гада, знаешь, сколько лоббистов в Кремле? Пока мы здесь с тобой языками чешим, они пашут вовсю.

– Думаю еще, Петрович. Поразузнал я на досуге... Там не подкопаешься, глухо со всех сторон. Не зря его Берлинской стеной зовут: он там устроил государство в государстве, – отозвался папа Гриша с тяжелым вздохом. – Один в поле не воин.

– А ты и не один будешь, Гриша. Там Назарчуки спят и видят, как бы всё к рукам прибрать, у них двадцать семь процентов от комбината, и сколько Долгов не бьется, а выкурить их не получается. Тебе главное раскатать лодку, а шакалы набегут, не волнуйся. То, что он Ишутина турнул – это серьёзная ошибка, огромная трещина в его непробиваемой стене. Он её, конечно, будет всеми силами сейчас залатывать. И залатает, если мы не используем эту возможность. Ты личность известная, тебя народ любит, Гриша, избирательную кампанию я оплачу да ты любого его кандидата на раз два сделаешь. А там...

– А там председатель Законодательного Собрания его тесть, начальник МВД края – его зять и вся местная элита в кармане, – насмешливо перечислил папа Гриша. – Что ты мне против этой железобетонной системы предлагаешь сделать? Башку об неё разхерачить? Я, Петрович, еще пожить хочу.

– И поживешь, Гриша! Так поживешь, что тебе и не снилось, если мы завод отвоюем. Там, Алексеич, такие деньжищи крутятся, что не в сказке сказать.

– Большие деньги – большие проблемы, – задумчиво протянул папа Гриша и с усмешкой добавил. – А он матёрый волчара: такую жилу урвал и столько лет держит.

– Не то слово «матёрый». Такая алчная зверюга, что я бы и не рыпнулся, если бы они с Ишутиным не разосрались. Вообще не понимаю. Как так? Ишутин же все его делишки покрывал. Видать, совсем он от власти ошалел, раз бортанул его. Думает, вывезет в одного. Ну-ну...

– Так может, и не рыпаться? – со смешком предложил отчим.

– Нельзя такую удачу упускать. Да и пора уже раскулачивать его, жирновато в одну харю такой кусь жевать. А с ним, Гриша, только тебе и по силам тягаться. Ты – не просто депутатишка, ты – герой, тебя страна любит, и так запросто не нагнешь, а ему шумиха не нужна. Это остальных он в бараний рог сразу же скрутит, с тобой этот номер не проканает. Так что будь спокоен, борзеть с ходу не станет, приглядываться будет еще с пару месяцев, а там и ты приглядишься.

Может, что-то и высмотришь. Нам бы только одну зацепку, чтоб его засадить хотя бы на месячишко, а там, за этот месяц можно вверх дном перевернуть всю его вотчину. Он тогда сам, как миленький, нам комбинат вручит, еще и отступные выплатит, когда вся грязь из-под него всплывет. Ты же понимаешь, парни из ниоткуда заводы просто так под себя не подминают. Там на кровянице всё стоит, – распинался Елисей, мне же стало жутко – вот тебе и ужастики на ночь, Настенька. Лучше бы спалилась с порнухой, чем окунулась во все эти подковерные игры.

Я, конечно, в курсе, что в стране беспредел, но одно дело смотреть сводку новостей, а другое – оказаться в самом эпицентре этого беспредела, стать свидетельницей передела власти и экономических ресурсов. Это пугало и очень сильно. Пусть я мало что понимала, но от речей Елисея дико фонило опасностью. И мне совершенно не хотелось, чтобы папа Гриша ввязывался во всё это.

В конце концов, зачем? Денег – куры не клюют, власти и полномочий тоже с избытком. Но, видимо, наш генерал за тридцать с лишним лет так и не навоевался, и хочет кому-то что-то доказать, иначе я просто не знаю, как объяснить его бравый ответ, в котором отчетливо были слышны нотки азарта.

– Ладно, собирай команду. Полетим штурмовать «Берлинскую стену».

– Вот и правильно, давно пора опустить этот Железный занавес, – недвусмысленно хохотнул Елисей, папа Гриша поддержал его смех. Меня же перекорежило от всех этих сальных намеков. Что у мужчин за тяга к содомии?

– Ты главное смотри, чтобы нашу Стену на сувениры кто попало не разобрал, когда она рухнет, а то ушлых -то много набегит.

– Не переживай, главный сувенир будет у нас, а за остальные пусть его шакалье догрызет, – пообещал Елисей таким тоном, что у меня мороз по коже пошёл. Я попыталась собрать в единый образ этого жуткого типа за портьерой и милого, улыбчивого дядечку, который дарил мне шикарные подарки и шутливо целовал ручки при встрече, но как ни напрягалась, не смогла.

Однако не завидую я их «Стене». В этом маскараде и не поймешь, кто есть кто, и когда это действительно маска, а когда – настоящее лицо. Хотя, судя по

разговору, там такая же акулища или даже позубастей. А вообще о чем я думаю? У нас тут переезд назревает, а я о какой-то «Стене» пекусь. Да пусть она там хоть сейчас рухнет! Это был бы просто идеальный расклад, вещи даже собирать не придется.

Господи, переезд! Это же прощай папа, прощай бабушка, прощай друзья, работа в тату-салоне, любимый город, мечты, планы – да короче, вся жизнь, и только потому, что папа Гриша в солдатики не наигрался.

Мама права: мужиков надо убивать, как только бахнул кризис среднего возраста, иначе они убьют вашу нервную систему. Жанна Борисовна каким-то чудом профукала момент, когда нужно следовать собственному совету. Теперь надежда только на ее «зубы», а она их непременно пустит в ход, и помощи боже папе Грише. Угрохать полгода на изменение дизайна в доме – это вам не шутки, это миллионы нервных клеток, и теперь переезд? Пожалуй, пора запасаться попкорном или... платками и чемоданами. Что-то мне подсказывает, против КСВ(2) даже зубы саблезубого тигра бессильны. И следующая фраза отчима это только подтверждала:

– Ладно, остальное обсудим после ужина.

– Я не останусь. Верочку в «Метелицу» повезу – выгуливать.

– Тогда на следующей недели я заеду.

– Договорились.

– Ну, всё тогда. Пойдём, у меня ужин через пять минут.

– Дисциплина превыше всего? – хохотнул Владислав Петрович.

– Естественно.

– У тебя не забалуешь, Алексеич.

– А ты думал, генеральские погоны просто так достаются что ли?

– Твоя правда, – хмыкнул Елисейев и поднялся с кресла. – Ну, пойдём, я хоть на Настеньку -красавицу полюбуюсь одним глазком.

– Что-то ты зачастил любоваться Настенькой, друг мой, – холодно заметил отчим.

– Побойся бога, Гриша! – возмутился Владислав Петрович, я же от шока чуть с подоконника не грохнулась.

– А что? Твоей Верочке сколько? Двадцать-то есть?

– Ну, ты не сравнивай. Верочка уже и Крым, и рым... А на Настеньку дышать -то лишний раз страшно.

– Вот и не дыши.

– Иди ты, Гришка! Я на дитё ваше не засматриваюсь, а присматриваю Виталику. Вернется с Америки, познакомить надо. Может, глядишь, понравится орлу моему, – выдал он на полном серьёзе. У меня же было ощущение, что я попала в палату к недолеченым.

– Опоздал ты со своим орлом, Петрович, мой её уже лет пять назад присмотрел, – со смешком отозвался папа Гриша, а у меня внутри всё мгновенно вскипело, передернуло всю, стоило только услышать ненавистное имя.

– Яшка что ли? – удивленно воскликнул Елисейев.

– Ну. Приедет на каникулы, и коршуном вокруг неё вьётся, глаз не сводит. Смешно так.

Стервятником! – выплюнула я про себя и посмотрела на свои ладони в мелких, белёсых шрамах. Смешно ему.

– Влюбился, – добродушно отозвался Владислав Петрович, и смешно стало уже мне.

Яша Можайский и влюбился – это что-то из разряда фантастики, а если в сюжет вплести еще и меня, то это будет фантастика с элементами боевика и хоррора. Хорошо, что мужчины, наконец-то, покинули библиотеку, потому что сдержать смех у меня не получилось, хотя смешного в этом было очень мало, как и в том, что в холле часы пробили восемь часов.

Супер! Я опоздала на ужин.

Всё, Настенька, теперь можешь точно попрощаться с фестом и ужином.

Впрочем...

– Что мне ужин, что мне фест, если светит переезд?! – пропела я и тяжело вздохнув, выползла из своего укрытия, прихватив дебильную книжонку.

Забросив ее на дальнюю полку, еще раз тяжело вздохнула и поплелась получать заслуженный нагоняй. А всё из-за этого проклятого женского любопытства. Вот ничему нас история Евы не учит. НИЧЕМУ!

(2) КСВ – кризис среднего возраста.

(1) Дейл Брекенридж Карнеги – американский педагог, лектор, писатель, оратор-мотиватор.

Глава 2

«Совершенство в чем бы то ни было – скука смертная!»

К. Маккалоу «Поющие в терновнике»

– Что ты творишь?! Чего ты добиваешься, Серёга? Я твою логику вообще не пойму. Тебе проблем было мало? Чего тебе спокойно не живётся?! – истерично вопил тесть, бегая взад – вперед.

Лицо его побагровело, губы дрожали от негодования. Казалось, еще чуть – чуть и бедолагу долбанёт очередной инфаркт. Я бы ему посоветовал поберечь свои недавно установленные коронарные стенты, всё-таки какие бы чудеса не обещали америкосы, а никакая железка уже не поможет, если сердцу хана, но мне было лень. Моё что ли здоровье?!

Вообще весь этот цирк начал порядком утомлять. Я, конечно, мог послать Максимыча на хер и не париться. Тестю не впервой, так что не заблудился бы, но даже это мне было в лом, за что спасибо Грей Гусу: пара рюмок оказывала поистине чудотворный эффект, расслабляя и настраивая на вполне миролюбивый лад. Поэтому, откинувшись на спинку кожаного кресла, я продолжал краем уха слушать бестолковый треп и дурачиться, пуская кольца дыма в попытке создать олимпийскую эмблему. И так меня увлекло, что в какой-то момент я вообще потерял нить разговора.

Видимо, тестя это окончательно вывело из себя, и он взорвался:

– Серёжа, ё* твою мать! Что ты как дитё?!

– Максимыч, угомонись уже, – отмахнулся я, с досадой наблюдая, как последнее кольцо на несколько миллиметров отклоняется от намеченной цели, портя всю картину.

– Это тебе пора угомониться! Можайский – не какой-то там хрен с горы...

– Я в курсе, кто такой Можайский, – туша сигарету, спокойно парировал я, хотя паникёрство старого дурня уже сидело у меня в печёнках, как и необходимость разжевывать очевидные вещи.

Стареет, однако, Прохода, теряет хватку, а заодно и тупеет.

Отставив от себя пепельницу, сажусь ровнее и перевожу взгляд на тестя. Он продолжает бегать туда – сюда, нервируя меня.

– Максимыч, сядь, не мельтеши, башка от тебя уже болит, – поморщился я и кивком указал на его кресло.

Тесть, поколебавшись пару секунд, все же сел и, облокотившись на стол, с тяжёлым вздохом зарылся руками в свою и без того включенную, рыжую шевелюру, которой наградил обоих моих детей, что по молодости дико бесило.

Мои дети должны были быть похожи на меня или в крайнем случае на жену, но никак не на этого рыжего гада. Но против приколов природы не попрёшь, поэтому пришлось смириться. Смирялся же я с чем-то в своей жизни крайне редко. Свои интересы, убеждения да всё, что я назвал своим готов был отстаивать насмерть.

В детстве такую позицию рассматривали, как непослушание. У отца же с ним разговор был короткий: чуть что он хватал ремень и херачил меня до посинения, пока однажды у него не отнялась рука. Моя бабка по матери, будучи верующей, тогда заявила, что я святой ребёнок, и что сам Господь схватил отца за руку. Пожалуй, это самая смешная шутка, которую я слышал за всю мою жизнь. Отец на этот счет придерживался более адекватного мнения, а потому пришел к выводу, что об мою «дурь», как об каменную стену скорее расшибешься, чем хоть на миллиметр сдвинешь, не говоря уже о том, чтобы выбить её из меня. И был, как никогда прав.

Но всё же, кое – что выбить ему удалось, а именно страх. Любой адекватный, нормальный страх, присущий каждому человеку. Я не боялся ни боли, ни опасности, ни последствий, ни даже смерти. У меня напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения. В психологии это называют «гипофобией», в народе – без царя в голове или отбитый наглушняк, что в моём случае в полной мере соответствовало действительности. Во дворе, а позже и во всём городе меня прозвали Серёжа Беспредел. Сути это не меняло, но в отличие от «отбитый наглушняк» для двенадцатилетнего пацана звучало охренеть, как круто.

В четырнадцать, после смерти отца, своё прозвище я оправдал с лихвой. Но вовсе не потому, что как озлобленный зверёныш сорвался с отцовской цепи. Нет. Я просто со всей силой, на которую способен сын, любил его, а потому смириться с потерей у меня не получалось. Пусть он бил меня, как собаку, был строг и зачастую перегибал палку, но он же научил меня плавать, играть в футбол, стрелять из ружья, ездить на машине, менять кран, защищать себя – короче всему, чему отец должен научить сына, а потому своё детство я считаю вполне счастливым. И благодарен за все уроки, даже за самые жестокие, а возможно, за них в особенности. Именно они научили меня быть стойким, готовым пройти через любые трудности, чтобы отстаивать своё мнение и рискнуть всем, чтобы

достичь поставленной цели.

Свою по-настоящему осознанную и, как оказалось, главную, жизненную цель я поставил на похоронах отца. Помню, сжимал в объятиях плачущую сестру и смотрел на мать. Она была такой незащитной, потерянной, раздавленной горем и навалившимися проблемами, но, тем не менее, держалась, не давала волю ни слезам, ни истерике, хотя причин было предостаточно: отец связался с какими-то мутными типами. Эти ублюдки заявили прямо на похороны и тут же принялись запугивать мою мать, требуя денег, которые отец якобы должен.

Помню, смотрел, как бритоголовая сука наезжает на неё, и задыхался от бессилия, меня всего наизнанку выворачивало от ярости. Именно тогда со всей горячностью четырнадцатилетнего, озлобленного мальчишки я поклялся, что уничтожу каждого, кто причастен к смерти отца и отберу этот проклятый, металлургический завод, из-за которого моя семья лишилась всего.

Мне потребовалось шестнадцать лет, чтобы достичь своей цели. На пути к ней я был похож на летящий лом, а потому ни разу за те годы, как бы не было тяжело, безнадежно и рискованно, ни пошел никому на уступки, даже самому себе. И уж тем более, я не собирался этого делать сейчас из-за какого-то столичного ухаля, будь он хоть трижды героем.

– Значит так, Максимыч, – отгоняя миазмы прошлого, решил я, наконец, расставить точки над «і», – в последний раз повторяю: я не буду вкладываться в предвыборную кампанию этого залётного казачка. Ты не хуже меня знаешь, зачем он сюда рвется.

– И что теперь? – взвился тесть. – Сидеть, сложа руки и ждать, пока он займёт губернаторское кресло, и начнёт совать свой нос в каждую щель?

– А ты заделай все щели, чтобы не приходилось трястись, как припадочному.

– Господи, что же ты за баран-то такой упёртый?! – взвыл Прохода.

– Где бы ты был, интересно, если бы не этот «упёртый баран»? – иронично поинтересовался я, начиная закипать. Тесть знал, что лучше меня не выводить, поэтому сразу же дал заднюю.

– Я и не спорю, Серёжа, но иногда нужно хоть чуть-чуть прислушиваться к людям. И сейчас тот самый случай! Поддержи Можайского, дай ему понять, что ты с ним в одной упряжке и что вы всегда сможете договориться. Дипломатия – это искусство: поглаживать пса, пока готовят ошейник, – глубокомысленно изрек тесть, вызывая у меня смешок.

– Ошейник у меня уже готов, Максимыч, так что мне «поглаживать пса» совершенно ни к чему. Да и вообще... Я задницу никому никогда не лизал и лизать не стану!

– И что же это за ошейник такой?

– А вот это уже не твоего ума дело, – холодно улыбнулся я, с удовольствием наблюдая, как тесть багровеет.

– Надеюсь, это действительно что-то стоящее, – сквозь зубы процедил Прохода, проглатывая завуалированное оскорбление, зная, что сейчас лучше не закусывать удила.

– Не переживай, импичмент обеспечен, – успокоил я его, но на Максимыча моё заявление оказало обратный эффект.

– Тогда почему бы не убрать его сейчас, пока он не начал наводить свои порядки? Ты ведь знаешь, что как только пройдет инаугурация, он тут же посадит своих людей на нужные места и в первую очередь, он постарается убрать с должности меня.

– Потому что, дорогой мой тесть, – издевательски протянул я. Мне всегда нравилось доводить его до белого каления – невинная ответка в счет тех дней, когда эта сука смотрела на меня свысока, – моя цель – заставить его плясать под мою дудку, а не убрать с поста.

Прохода скептически фыркнул, я же, не заостряя внимание, продолжил.

– Что касается перестановки кадров, так не мне тебе рассказывать про вотум недоверия, коллективный прессинг и другие инструменты воздействия.

Прохода собирался что-то возразить, но я жестом остановил поток очередного ссыклячества.

– Уймись уже, Максимыч, ты на этом деле собаку съел, за тобой вся наша элита и местное самоуправление, он же – всего лишь новичок с громким именем, а управлять краем – это не в Тбилиси митинги разгонять, тут нужны хотя бы административно – хозяйственные навыки, а не генеральские замашки.

– Ты недооцениваешь его и в этом твоя ошибка. Будь уверен, он нам еще задаст жару. Служаки они идейные, принципиальные.

– Я тебя умоляю, – закатил я глаза. – Все до единого – продажные шкуры, а этот в особенности, иначе с Елисеевым бы не спелся. В любом случае, всегда есть проверенное успокоительное для особо ретивых.

– Серёжа, оставь эти свои... методы! Поднимется страшная шумиха.

– Вот и славно, – усмехнувшись, спокойно заключил я. – Пусть шумит, чтоб другим неповадно было.

– Как у тебя всё просто, – съязвил тесть с таким трагичным видом, что мне стало смешно.

– А жизнь вообще простая, Максимыч, – весело резюмировал я. – Особенно, если придерживаться правила двух ударов: первый – в лоб, второй – по крышке гроба.

– Лучше бы ты придерживался правила не разбрасываться такими людьми, как Ишутин. Что ты за человек, Долгов, я тебя не пойму?! – раздражённо воскликнул тесть, качая сокрушенно головой.

– Я не человек, Максимыч. Я – упёртый баран, – с издевкой напомнил, поднимаясь с кресла. Разговор себя исчерпал, но я все же решил добавить. – А понимать тут абсолютно нечего: каждый должен знать своё место и не зарываться. И тебя это тоже касается, так что прекрати истерить, как малолетний п*дрила и начинай готовиться к приезду нашего героического губернатора.

– А ты своё место знаешь, Серёжа? – пробормотал тесть, думая, наверное, что не услышу.

Но я услышал. Правда, отвечать ничего не стал и молча вышел из кабинета. Раньше я, не задумываясь бы, сказал, что нахожусь на своём месте, а сейчас всё чаще стали посещать какие-то меланхоличные мыслишки, что чего-то в моей жизни не хватает, чего-то в ней нет, и что я, возможно, что-то упустил. Видимо, кризис среднего возраста всё же не пустой звук. К счастью, у меня было слишком много дел, чтобы позволить себе страдать хернёй и рефлексировать.

Спустившись в столовую, где собралась вся родня Проходы, нашёл взглядом жену. Она тут же повернулась, словно почувствовала моё присутствие.

– Собирайся, Лар, – бросил я, прерывая рассказ какой-то двоюродной тётки. Тёща неодобрительно поджала свои тонкие губёнки и покачала головой, горестно вздыхая.

Да-а, тяжела доля интеллигента, когда зять отъявленный люмпен, хотя у неё и муженёк не далеко уехал. Пожалуй, я бы посочувствовал, если бы не знал, как эта двуличная паразитка любит зелёненькие, скрывая свою алчность за вечно кислой физиономией.

– К чему такая спешка? Где папа? – поинтересовалась жена, подойдя ко мне.

– Поехали, я устал, – напустил я на себя вид вселенской усталости, чтоб Ларка не доставала вопросами.

– Опять что-то не поделили, – тяжело вздохнув, резюмировала она.

От необходимости отвечать избавил сын, влетевший в столовую, словно ураган, а точнее ошалевший свинёныш: огненные волосы торчали в разные стороны, как у Эйнштейна, глазёнки по пять копеек лихорадочно горели, а лицо и одежда были измазаны то ли шоколадом, то ли какой-то грязью, как и руки, в которых он держал брыкающегося кота. В общем, нормальный такой видок десятилетнего пацана. Но у моей жены были другие представления о том, как должен выглядеть наш сын, поэтому она недовольно поджала губы, становясь точной копией своей мамыши. Меня аж передёрнуло, стоило только представить, как проснусь однажды с двойником тёщи.

– Денис, что за вид?! – воскликнула Лара, но сын, будто не слыша её, повернулся ко мне и протараторил:

– Пап, можно я у бабушки останусь? Никичу разрешили.

– Нет, никаких... – начала было жена, но я тут же прервал её.

– Оставайся, сына, – заговорчески подмигнув, потрепал его по всклоченным вихрам.

– Серёжа! – возмутилась Лара, но её голос потонул в восторженном вопле Дениски. Перепугав беднягу-кота, сын помчался к выходу из столовой, где его поджидал двоюродный брат.

– Денис, вернись сейчас же! – сделала жена попытку достучаться до сына, но это был дохлый номер. Получив своё, Дёня поспешил слинять.

– Спасибо, пап! Пока, мам! – крикнул он напоследок и скрылся за дверью.

– П*здец! – психанув, ёмко высказалась Ларка, одарив меня взбешенным взглядом.

– Лариса! – ахнула тёща, хватаясь за сердце. Вся родня застыла в изумлении, я же едва сдерживал хохот. В кои-то веке жёнушка сделала мой день.

Она явно собиралась сказать мне еще пару ласковых, но сдержалась: в очередной раз поджала дрожащие от ярости губы и круто развернувшись на каблуках, быстрым шагом покинула столовую, ни с кем не попрощавшись. Я решил добить это тухлое сборище и театрально провозгласил:

– Вот, тёща, это всё твоё воспитание! Красней мне теперь из-за твоей доченьки.

– Долгов, когда ты покраснеешь, случится всемирный потоп, – сыронизировала Ларкина бабка, хотя «бабкой» её можно было назвать с огромной натяжкой. В свои восемьдесят она выглядела намного лучше тёщи и вела настолько активный образ жизни, что оставалось только позавидовать её энергии. Из

родственников жены она была единственной, к кому я испытывал симпатию. Поэтому, улыбнувшись, сердечно распрощался с ней. Расцеловал в обе щёки, на что она выдала:

- Дочу будешь так нацеловывать, целуй нормально.

- В засос что ли? – подразнил я её.

- А хоть бы и так, – хохотнула она. – Или что, уже обделался?

- Бабуля, да я саму смерть целовал, – насмешливо закатил я глаза. Нашла тоже, чем пугать.

- Какая я тебе бабуля, засранец?! – воскликнула она возмущенно. Я же решил не тратить время на препирательства и притянув к себе, смачно чмокнул бабку в её тонкие губенки, намазанные шлюшно-красной помадой. Она тут же расхохоталась мне прямо в рот.

- Серёжка, ты что творишь поросёнок эдакий?! – зарделась, ей богу, как девчонка. Вот что поцелуй животворящий даже с самыми прожжёнными бабами делает, а Родионовна была той ещё штучкой. Всех воротил края перетрахала в своё время.

- Взбадриваю тебя, бабуль, а то ты заскучала совсем, – парирую с ухмылкой.

- Ой, Долгов, как был наглецом, так и помрешь. Иди благоверную «взбадривай», а то совсем внучка дерганая стала.

- Ну, так не мудрено, – фыркнула тёща, недвусмысленно взглянув на меня, как бы говоря: «с таким-то муженьком».

- Не мудрено, – насмешливо согласился я. – Столько себя изводить этой веганской хернёй – свихнуться можно.

- Не говори, вообще не понимаю эту моду, – кивнула Анна Родионовна.

– Мода тут совершенно не при чём, – возразила тёща и принялась что-то разъяснять свекрови, но слушать я уже не стал. Махнув всем на прощание, направился к ожидающему меня на заднем дворе кортежу из трех машин. Сев в «Гелик», дал ребятам знак, что можно ехать, а после перевел взгляд на сидящую рядом жену.

Лариса, отвернувшись к окну, всем своим видом демонстрировала обиду. Я же только сейчас заметил, насколько она осунулась: и без того тонкие черты заострились, придавая лицу строгость, синева под глазами и бледность кожи не скрывали ни одну морщинку, а соответственно и возраст. Удручающую картину завершало каре, которое меня просто убивало. Короткие стрижки у баб я не признавал, как и ставшую столь модной худобу и андрогинность. Женщина должна излучать здоровье и красоту, чтобы её, прежде всего, хотелось трахнуть, а не накормить.

Поскольку жена знала мое мнение на этот счет, мне было совершенно не понятно, чего ради она извела себя диетами и состригла свои буйные кудри. Пусть в последние пару лет наши отношения были довольно прохладными, но как по мне, это ещё не повод, чтобы уродовать себя. Хотя объективно – стрижка ей, конечно, шла и всё бы ничего, если бы она напрочь не убивала всякую индивидуальность, превращая очаровательную женщину с ноткой загадочности в какую-то невзрачную ледышку.

Раньше в её каштановую гриву хотелось зарыться обеими руками, пропуская сквозь пальцы мягкий шёлк волос, теперь же... не хотелось ничего. Виной тому прическа или же кризис семейной жизни мне, если честно, всё равно. Просто смотрю на жену и понимаю, что как-то ни горячо, ни холодно.

И вроде бы это всё не ново. За семнадцать лет брака мы пережили кучу всяких кризисов. Бывало даже смотреть друг на друга не могли – бесились от каждого слова и действия. Но то были хоть какие-то эмоции, сейчас же не было ничего, кроме понимания, что всё со временем пройдёт, просто нужно не давать себе волю и щадить чувства женщины, которая родила мне детей.

– Мать, ты обиделась что ли? – спросил через «не хочу». Выслушивать, что у неё там накипело вообще не в кайф, но лучше пусть выпустит пар сейчас, чем потом будет месяц выносить мне мозги по поводу и без.

Как и ожидалось, Лариса тут же взвилась, словно ужаленная. Повернувшись, резанула раздраженным взглядом и дрожащим от ярости голосом процедила:

– Да причем здесь обиделась, Долгов?! Меня просто задолбало это всё!

– Что «всё»? – спокойно уточнил, едва сдерживаясь, чтобы не зевнуть. Ларка меня точно грохнет, если поймёт, что мне в общем-то её претензии до фонаря.

– Да то, что как только у тебя настроение хорошее, так сразу – «Да, сына, да, доча, гуляйте, учебу пропускайте», но если только плохое, то держитесь все: то, что вчера было можно, сегодня уже нельзя и только потому, что у нас у папы настроение неважноецкое. Ты постоянно поганишь мне весь режим, Серёжа, и разрушаешь дисциплину. А в воспитании детей это самое главное!

– В воспитании покорного стада, – отрезал я.

– Ой, только не начинай, пожалуйста, эти свои дебилские рассуждения, – поморщилась она. – Речь вовсе не об этом.

– Ну, просвети меня, о чём.

– О том, что границы дозволенного детям не должны зависеть от перепадов твоего настроения. Так нельзя!

– А как с зэчьём на строгом режиме можно, да? Контролировать каждый их шаг, запрещать всё подряд – это ты называешь воспитанием? – сардонически поинтересовался я, начиная закипать.

– Не передёргивай, Серёж. Ещё никому строгость не была во вред.

– Ты мне что ли будешь рассказывать? – вкрадчиво уточнил я. – Ты уже заколебала бедных детей со своим контролем.

– А нет, давайте будем потакать им во всём, пока они в конец не обнаглеют.

– Ну, уж это им не грозит, можешь не сомневаться, – заверил я её со смешком. «Обнаглеть» у меня можно ровно настолько, насколько я позволю.

- Да неужели?! То-то они мать ни во что не ставят.

- Не начинай, - скривившись, отмахнулся я. Бесило, когда жена начинала корчить из себя жертву.

- А что, не так что ли? Они вообще меня не слушают, и ты им в этом потакаешь! - начала она повышать голос.

- Бред не неси. Я в твои отношения с детьми не лезу.

- Вот именно! Тебе плевать, что я им что-то разрешила или запретила, ты делаешь исключительно то, что считаешь нужным, выставяя меня дурой. Показывая детям, что с моим мнением и требованиями можно не считаться.

- Так ты адекватные требования выставляй, а то втираешь какую-то дичь, а потом обижаешься, что всем пофиг.

- А что для тебя не «дичь», Серёжа? Учеба - дичь, бабушку с дедушкой навестить - дичь. Ты вообще в курсе к каким «подружкам» на ночь отпустил свою обожаемую доченьку? - с таким видом отозвалась она, будто собиралась открыть Америку.

- А нет, бл*дь, я дурак совсем, -раздраженно парировал я. Конечно же, мне было известно, что дочь поехала к своему парню. Но рвать и метать по этому поводу или хвататься за сердце я не собирался, как бы не ломало от мысли, что мой ребёнок в общем-то уже далеко не ребёнок.

- Ну, мало ли, может, ты свято веришь, что Олечка у тебя ангел небесный, - язвительно пропела жена, чем окончательно выбесила. Меня выводили из себя речи в подобном тоне. Что еще за «твоя доченька», «твой сынок»? Что за идиотская манера чуть что перекладывать ответственность?!

- Я своих детей знаю, - холодно процедил я. - И знаю, когда им что-то разрешить, а когда -запретить, так что не хер мне здесь нотации читать.

Ларису, конечно же, задел мой не совсем справедливый намёк на то, что она детей совершенно не понимает, но жена благоразумно решила не реагировать

на эту шпильку.

- Ну, раз знаешь, не думаешь же ты, что они там с Ванечкой чаи распивают? -
связвила она.

- И что?

- Как что? Она еще ребёнок, Серёжа! - воскликнула Ларка, чем насмешила. Вот
уж кому-кому, а точно не ей верещать по такому поводу, о чём я не преминул
напомнить.

- А ты кем была?

- В смысле?

- Ну, когда приезжала ко мне «чаи распивать», - подколот я её, на что жена
закатила глаза.

- Это тут вообще при чём?

- Да так... - со смешком протянул я. - Помнится, твой папаша был крайне
пуританских взглядов, но тебе это ничуть не мешало таскаться.

- Я не таскалась! - возмущенно ткнула она меня локтем прямо в печень. Очень
её Ларка любила: то клевать, то долбить чем ни попадя.

- Таскалась - таскалась, да еще как, -пожурил я жену с улыбкой, отчего она
слегка покраснела, но тут же взяла себя в руки и вернулась к нашей теме.

- И что теперь? Сквозь пальцы смотреть на её... «чаепития»? - резонно
поинтересовалась, уловив суть моей ностальгии. Я усмехнулся.

- Ну, попробуй повоевать. Хотя я смысла в этом никакого не вижу. Запрём её
дома, поорём и что дальше?

- А дальше нужно сублимировать сексуальную энергию во что-то полезное.

Услышав сей бред, я не выдержал и расхохотался.

– Мать, ты сегодня отжигашь по полной. Я скоро блокнот заведу для твоих крылатых фраз.

– А у тебя всё шуточки, Долгов.

– Да какие уж тут шуточки, когда ты дочь какой-то оторвой в гоне считаешь, – мягко упрекнул я её.

– Я не считаю, – начала Ларка тут же отнекиваться. – Просто... Ей всего семнадцать, Серёжа.

– Не всего, Лар, а уже. Прекрати над ней трястись.

– Странно слышать это от тебя. Я думала, ты и мысли не допускаешь, что у неё может быть секс.

– Я и не допускаю, – подмигнув, шутливо отозвался я. – Наша дочь у «подружки», остальное меня не касается.

– Удобная позиция.

– Ну, а почему нет? Оляка у нас девочка умная, да и «подружка» у неё неглупая, знает, что в случае чего место в ближайшем лесу будет обеспечено, поэтому переживать не вижу смысла, как и пытаться усмирить дочь. Если уж гормоны долбанули, то бесполезно с этим бороться. Еще ни один родитель не выиграл эту войну. Да и Ванёк меня вполне устраивает, как и вся их семейка.

– Ну, еще бы тебя не устраивал сынок главы следственного комитета, – фыркнула Ларка.

Я не стал ничего отвечать, считая тему исчерпанной, да и на горизонте замаячил продуктовый магазин, что было очень кстати: жрать хотелось люто. Я с утра не ел, а у тётчи вечно какая-то херь милип*здрическая, которой только врагов дразнить в голодный год.

– Лёха, ну-ка тормозни у магазина, – отдал я распоряжение, которое тут же было выполнено. –Сгоняй за орехово- фруктовой смесью.

– Так и называется, Сергей Эльдарович? – уточнил он, выходя из машины.

– Да откуда я знаю, у продавца спроси. И давай быстрее, – поторопил я его, когда он поплелся черепашьим шагом.

– Ты оголодал что ли? – удивилась Ларка. – Надо было поесть у мамы и не выделываться.

– Я не выделываюсь, а о здоровье пекусь. От взглядов твоей мамы можно запросто подавиться.

– Ой, я тебя умоляю, – отмахнулась она.

Я хмыкнул и отвернулся к окну. Через пару минут вернулся Леха. Ларка забрала у него упаковку со смесью и принялась быстренько выкидывать банановые чипсы, которые я терпеть не мог, она же бурчала себе под нос, что я капризный ребёнок и лентяй.

Меня её ворчание, как ни странно, успокаивало, поэтому откинув голову на спинку кресла, с наслаждением прикрыл глаза, вот только счастье моё длилось не долго.

Очистив смесь, жена протянула мне упаковку. Кивнув в знак благодарности, я сразу отсыпал горсть в ладонь и отправил в рот. Лара же помедлив, осторожно спросила:

– Что вы решили с папой?

От досады я едва не застонал. Твою мать, мне сегодня пожрать нормально дадут или нет?! У Ларки и её семейки прямо талант портить мне аппетит.

– А я с ним должен был что-то решать? – приподняв бровь, холодно уточнил, давая понять, что ей стоит поумерить своё любопытство.

– Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю, – насупившись, продолжила она гнуть свою линию, как и всегда, не вникая в намеки.

– Я прекрасно знаю, что тебя это не касается, – отрезал я и насыпал вторую горсть, поражаясь, до чего же Ларка бестолковая баба: тридцать восемь лет, а до сих пор не знает, когда и как следует из мужика тянуть информацию. И разразившаяся в следующее мгновение буря это только подтверждала.

– Да что ты?! – взвилась жена, повышая голос. – Касается и еще как! Я не собираюсь больше трястись от каждого шороха, и бояться выйти из дома без охраны. Мне надоело жить, как на пороховой бочке! Если ты себя не бережешь, то подумай о детях! Сколько можно?! Чего тебе, бл*дь, не хватает?!

– Не ори, – поморщившись, осадил я её. На сегодня с меня истерик достаточно: её папаша исчерпал лимит.

– Хочу и буду орать! Не затыкай мне рот! – огрызнулась она, испытывая моё терпение.

– Я тебя тогда сейчас высажу возле леса и верещи там, сколько твоей душе угодно.

– О, ну конечно! Ты всегда проблемы решаешь где-то в лесах. Только сейчас, Долгов, время уже не то. И лучше бы тебе прислушаться к отцу, у него всё-таки образование и ...

– Забавная штука: ты открываешь рот, а я слышу твоего папашу, – оборвав её, издевательски протянул я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не дать волю вспыхнувшей ярости. – По-моему, в твои годы пора бы уже генерировать собственные мысли, с высшим -то образованием.

– А по-моему...

– А по-твоему будет, когда научишься хотя бы ореховую смесь очищать, как следует! – рявкнул я, взбесившись.

Она хотела что-то ещё сказать, но я не собирался больше выслушивать эту херню, которой её нашпиговал папаша. Место бабы – в кровати, подо мной, а не в моих делах со своими советами.

– Всё, уймись! -отрезал я и швырнув ей на колени упаковку, велел водителю остановиться, после чего вышел из машины и сплюнув попавшийся банан, направился к остановившемуся позади «Крузаку», закидываясь по дороге орбитом, чтобы перебить тошнотворный вкус.

Навстречу тут же выскочили ребята из охраны, но мне хотелось побыть одному, поэтому я отправил их к Ларке. Сам же сел за руль и наконец, выдохнул с облегчением.

Конечно, будучи под градусом, отпускать водителя не стоило, но после жены и её родственников перспектива вписаться в столб казалась даже приятной.

Некоторое время я сидел и просто наслаждался тишиной. Мне редко выпадает такая возможность. Впрочем, я и сам не особый любитель одиночества, и всей этой интровертной мути, но иногда всё же возникает желание всё бросить и сбежать туда, где никто не будет доставать бесконечными просьбами и проблемами, где всегда рады и ждут.

К счастью, такое место у меня было, жаль только, что им не стал мой дом и ждала меня в нём не жена. Но, видимо, всё в жизни получить невозможно, как ни старайся.

Невесело усмехнувшись своим мыслям, я закурил и позвонил Зойке, чтобы предупредить, что скоро приеду. Когда в динамике раздался её низкий, хрипловатый со сна голос, стало как-то даже теплее, и раздражение медленно начало отпускать из своих цепких лапищ.

– Спишь? – зажав сигарету между зубами, выехал я на трассу.

– Вообще-то тебя жду, – зевнув, заверила она и со стоном потянулась, вызывая у меня улыбку.

– А ты как узнала, что приеду?

– Работа у меня такая – всё и про всех знать, про тебя в особенности.

Я хмыкнул, ибо это истинная правда. Зойка была моими ушами, глазами, правой рукой, душой и самым близким человеком. Она знала абсолютно всё и про всех, но в первую очередь, конечно же, про меня. Поэтому могла по голосу определить моё состояние и настроение.

– Устал? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла она.

– Как собака.

– Да ты мой хороший, – просюсюкала она. – Заездили родственнички?

– За*бали, причем коллективно, – рубанул я со смешком.

– Ну, ничего, как говорится, нас еб*т, а мы крепчаем, – посмеиваясь, утешила она и предугадывая желания, уточнила. – Коньячка или водочки?

– Яду мне, яду! – процитировал я. – И мяса побольше.

– Молодого и красивого или свиное сойдет? – провокационно уточнила она, вызывая у меня смех.

– Баранье готовь, сегодня день под грифом «Баран упёртый».

– Максимыч, вижу, совсем оборзел, на пенсию хочет, – в миг оскалилась сестра, стоило только дать понять, что братика задела. Она у меня такая: сожрёт и не поморщиться, если кто косо посмотрит в мою сторону. С такой сестрой сам черт не страшен. Впрочем, она сама была дьяволицей почище прочих. Вот кому я ни за что не рискнул бы перейти дорогу, и не я один: её боялись, как огня все, кто хоть немного понимал, что эта женщина из себя представляет. Зойка была моей точной копией только в женском облики, что, пожалуй, во сто крат опасней, ибо мои качества, помноженные на женское коварство – это гремучая смесь, я бы сказал, смертельная. Спасибо, господи, что эта «смесь» мне безгранично предана! Не знаю, где бы я был, если бы не она. Верно говорят, что за каждым успешным мужиком стоит сильная женщина, в моём случае это сестра.

- Пора его уже отправлять, - согласился я. - Старый стал, хватку теряет да панику разводит с ничего.

- Ну-у, я бы не сказала, что с ничего, -протянула задумчиво Зоя.

- И ты туда же, - закатил я глаза. Похоже, у меня скоро начнется нервный тик от одного упоминания Можайского.

- А ты его выступления глянь. Там такая мощь...

- Я лучше сразу уточню, кто у него в спичрайтерах.

- Не спичрайтером единым, Серёжа, такой рейтинг наработывается.

- Ну, ещё бы, - хмыкнул я, имея в виду бюджет его предвыборной кампании, который уже превысил допустимые нормы раз в десять. Это, как раз, и было тем нарушением, за которое нашему генералу грозил импичмент. Но пока я, естественно, не торопился открывать своих карт, лишь пристально следил, чтобы люди, которым доподлинно известно о связи Можайского с Елисеевым и их «черной кассе» не начали исчезать.

- Зря ты его всё-таки недооцениваешь, - ненавязчиво заметила сестра.

- А чего там оценивать? Типичный, тупоголовый вояка.

- Ну, знаешь... Про таких, как ты тоже говорят: «Типичный, тупоголовый новый русский».

- А я и есть такой. Девять классов образования да фазанка это подтверждают, - невозмутимо отозвался я.

- Ой, всё понятно, - отмахнулась сестра.

- Чего тебе понятно?

– Того, Сержик, что тебя действительно коллективно за*бали, раз ты уже в самоуничтожение ударился, – ласково пояснила Зойка, вызывая у меня улыбку. – Ладно, хорош болтать, смотри на дорогу. Ждём тебя, будем размораживать.

Я кивнул и отключился. Путь до сестры был не близкий, но вид из окна стоил каждой потраченной на дорогу минуты. В своё время я тоже облизывался на этот участок, но Зойка попросила его уступить в честь рождения племянницы. Естественно, отказать я не смог, оторвал от сердца, но до сих пор жаба давит, хотя себе купил участок намного круче: на горе с видом на реку, но вот душа почему-то лежит именно к этому затерянному в сосновом лесу царству у небольшого озерца.

Вот и сейчас въехал на территорию Зойкиной вотчины, и закайфовал. Сосновый лес на закате просто сияет, излучая невероятное спокойствие. Изумительная красота, неопишуемая. Чувство, будто в сказку попал, и вот-вот откуда-нибудь из-за куста выскочит какое-нибудь чудное создание. И создание выскочило...

Как только я припарковался у дома и вышел из машины, на меня тут же налетела туша под сто килограмм и с рыком радости повалив на подъездную дорожку, принялась оближивать, вызывая искреннюю радость.

– Жора, угомонись, – отбивался я, хохоча и пытаюсь встать. Но если Жора радовался, то ему было пофиг на любые уговоры.

– Вот сучёныш! Столько месяцев его кормлю, а он хоть бы раз меня так встречал, – раздался голос зятя, я довольно улыбнулся и обнял своего любимца, приходя в себя после столь неожиданного нападения. Жора тоже потихонечку успокоился и довольно заурчал, позволяя мне, наконец, подняться.

– Лев – это тебе не шкура продажная, Жека, – отряхнувшись, протянул я зятю руку для приветствия.

– А пума разве лев? – с сомнением взглянула на Жору подошедшая Зойка. Я обнял сестру и поцеловал.

– Здорово, мать, а кто? – насмешливо уточнил Шутерман.

– Ну, не знаю, котик, наверное, – протянула она, вызывая у нас с Женькой хохот.

«Котик» меж тем начал носиться по территории, окончательно ошалев от радости. Мы с улыбкой наблюдали за ним, замороженные красотой и грацией горного льва.

Это чудо природы мне подогнали два года назад на день рождение – выпендрился один дурень, но меня впечатлило, хотя поначалу я не знал, что с этим презентом делать. Ларка требовала, чтобы отправил его в зоопарк, кричала об опасности и непредсказуемости дикого зверя, и в общем-то была права, но я смотрел в огромные, голубые глаза маленького львёнка, и понимал, что не смогу обречь его на существование в клетке. И ничуть не жалею о своём решении.

После того, как нанял специалиста, разбирающегося в психологии и дрессировке пум, воспитание и уход за Жорой перестали казаться чем-то заоблачным, и жизнь наполнилась новыми впечатлениями. Жорка был смышленным малышом, ласковым и добрым. Детей обожал, но меня почему-то выбрал своей главной зазубой. Наверное, что-то чувствовал понятное лишь ему. С Ларкой же у него отношения не сложились, но до недавнего времени им удавалось сохранять вежливый нейтралитет, пока у жены и дочери не случился скандал.

Не знаю, что там конкретно произошло, меня не было дома, но Жора оценил ситуацию, как опасную для Ольки и стал её защищать. Конечно же, он не кидался и вообще не проявлял каких – либо признаков агрессии, кроме рыка, но Ларе этого хватило, чтобы перепугаться до усрачки и в ультимативной форме потребовать избавиться от зверя. Дети предлагали компромиссы, но жена была непреклонна, и я не мог проигнорировать её требование, так как это всё же не шутки, но и отдать Жору в зоопарк или какому-то чужому человеку тоже не мог. Он стал для меня родным, я его полюбил всей душой, поэтому ситуация очень сильно напрягала. Но Зойка быстро положила конец моим метаниям, предложив помощь.

Это был самый оптимальный вариант: только сестре я мог доверить своего питомца, зная, что Жора всегда будет накормлен, обласкан, и что в любое время его можно будет навестить.

Первые месяцы мы с Олькой и Дениской ездили чуть ли не каждый день, а потом сократили свои визиты до одного раза в неделю, но несмотря на то, что уже

прошло полгода я так и не привык к Жоркиному отсутствию. Поэтому каждой встрече радовался не меньше Жоры, в который раз убеждаясь, что если уж я привязывался, то привязывался намертво, будь то человек, животное или просто вещь.

Исключение составляли лишь женщины, с которыми я спал. Вот на них почему-то моей привязанности надолго не хватало. Я, конечно, влюблялся, горел, хотел, уважал, симпатизировал, но вот так, чтобы себя не помнить, чтоб весь мир к её ногам – такой женщины в моей жизни не случилось. Не любил никогда по-настоящему: ни на одну не смотрел, как на самое дорогое в этом мире, за которое готов был бы всё отдать, наизнанку вывернуться и сдохнуть не единожды. И если бы своими глазами не видел, что такие чувства бывают, ни за что бы не поверил. Но, наверное, всё к лучшему, учитывая мою неуправляемую, отбитую на всю голову натуру, хотя с другой стороны – а вдруг это именно то, чего мне не хватает?

Хрен его знает, в любом случае мне сейчас не до подобных квестов. Если этот вояка не согласится на мои условия, придется воевать. Мне, конечно, не впервой, но генералишку действительно нельзя недооценивать. Он так просто не сдастся, до последнего будет зубы скалить. И все же ему придется отступить, потому что я намерен выиграть любыми путями и способами. А если уж я что-то решаю, то остановить меня может только смерть.

Глава 3

«Должно быть, семена нашей гибели посеяны ещё до нашего рождения.»

К. Маккалоу «Поющие в терновнике»

– Настюша, – тихонечко позвала сестрёнка, обдавая щеку тёплым дыханием с запахом клубничной зубной пасты.

– Мм, – со стоном зарылась я лицом в душистую подушку, не в силах открыть глаза.

Так хорошо спалось под легкий шелест штор, раздуваемых ветерком, который то и дело врывается сквозь открытые настежь балконные двери, наполняя комнату умопомрачительным ароматом соснового леса и заливистым пением каких-то птичек. Всё это действовало настолько умиротворяюще, что даже жаркое, июльское солнце, нагло светящее прямо в глаза, не могло вырвать меня из объятий Морфея.

- Просыпайся, - по слогам пропела Каролинка, легонечко толкая в плечо, но её очередная попытка оказала совершенно обратный эффект.

Всё-таки колыбельки не просто так придумали: под раскачивание и напев действительно спится просто потрясающе. И я спала, точнее - нагло дрыхла, не обращая внимание на сестру, пока она не подключила тяжелую артиллерию в лице самого избалованного и вреднучего существа - фаворитки гостившей у нас Риммы Георгиевны, - мальтийской болонки с пышным именем Розамунда - Аделаида - Стефания.

Да-да, вы не ослышались, именно Розамунда - Аделаида - Стефания и никак, мать её, иначе! На сей пафосной ноте и закончился мой блаженный сон, ибо заткнуть мелкую пустилайку, можно было только повторяя её идиотское имя.

- Каролина, зачем ты её сюда притащила? - поморщившись, спихнула я надоедливую собачонку с кровати.

Вы не подумайте, животных я очень люблю. Но нормальных животных! Сдувать же пылинки с чьей-то изнеженной, драгоценной игрушки меня совершенно не прикалывает. А с этой раскормленной королевишны их не просто сдувать надо, а еще в определенном ритме, чтоб не дай бог нежную Розамунду - Аделаиду - Стефанию не продуло. Поэтому я предпочитала держаться подальше от блохастой любимицы Риммы Георгиевны, как и от неё самой.

Мать папы Гриши - восьмидесяти трехлетняя старуха с крайне скверным характером нас с мамой не жаловала, впрочем, как и всех остальных.

У меня вообще было чувство, что окружающих она воспринимает исключительно, как объектов для осуждения, обличения и перевоспитания. Что-что, а нудные проповеди были её коньком. Читала их старуха с упоением и в такой суровой, не терпящей возражений, манере, что оставалось только пожалеть бедного папу

Гришу и простить ему все эти заскоки с режимом. С такой матерью удивительно, как он вообще умом не тронулся. Мы вот с мамой были уже близки к этому, хотя прошла всего неделя со дня приезда Риммы Георгиевны. Обычно она гостила три, и это был сущий ад, особенно, для мамы. Ибо невыносимая старуха помимо привязанности к несравненной Розамунде, питала, как ни странно, тёплые чувства к бывшей супруге папы Гриши, о чём не переставала напоминать.

Раньше маму это безусловно раздражало, но она не слишком зацикливалась на замечаниях свекрови, списывая их на старческий маразм. Теперь же, взвинченная переездом, выборами и напряженными отношениями с папой Гришей, едва держала себя в руках. Точнее, вообще не держала и то и дело срывалась.

Доставалось всем, но в первую очередь, конечно же, мне. И хотя я привыкла быть виноватой во всех маминых бедах, её бесконечные психи меня порядком утомили за четыре месяца.

Как я и предполагала, грандиозные планы Можайского Жанна Борисовна не поддержала и закатила не менее грандиозный скандал, который длился не одну неделю и сопровождался бесконечными упрёками, нецензурной бранью и даже угрозой развода. Но на нашего генерала это не произвело ровным счётом никакого впечатления. Послав маму по известному маршруту из трёх букв, он посоветовал ей либо смириться, либо уже в самом деле подать на развод и не делать ему мозги.

Выбор, если это можно так назвать, был не ахти, поэтому маме пришлось наступить на горло своей гордости и начать готовиться к переезду. Чего ей это стоило, одному богу известно. Виду она, конечно, не подавала, но я знала, что пренебрежение Можайского задело её гораздо сильнее, чем казалось на первый взгляд. И мне было за неё обидно.

Хотя, если вдуматься, то в общем-то всё закономерно: за что боролась, как говорится, на то и напоролась. Хотела состоятельное «плечо» – получи, но не жалуясь, что работа и амбиции у него превыше желаний любимой женщины. Мама это, конечно, понимала, но всё равно бесилась жутко. У папы Гриши тоже нервы были ни к черту, так что жили мы, как на пороховой бочке, мечтая об одном – чтобы эти выборы поскорее прошли, и все успокоились.

Наша «мечта» сбылась две недели назад, и мы, наконец-то, переехали. Вот только покой в семью не вернулся, напротив, атмосфера стала еще более напряжённой: папа Гриша увяз в работе, бесконечно «висел» на телефоне и психовал, мама бесилась и капала на мозги: ужасный город, ужасный дом, ужасный салон, ужасные люди. Визит Риммы Георгиевны с Сонечкой (дочерью папы Гриши от первого брака) только подлил масло в огонь. Для полного «счастья» не хватало лишь Можайского-младшего, но и он, насколько мне известно, должен был вскоре заявиться. В общем, обстановка такая, что можно смело вешаться.

Но у меня, как ни странно, «суицидальных» мыслей не возникало. Более того, я была по-настоящему рада и предвкушала нескучную (в хорошем смысле) жизнь, так как мне вдруг несказанно повезло. Наверное, в качестве бонуса за несостоявшуюся поездку на тату-конвенцию.

Когда папа Гриша объявил город, в который нам предстояло переехать, я не поверила своему счастью, сидела и от шока не могла долго прийти в себя. В один момент незавидные перспективы трансформировались в нечто улётное и наверняка грандиозное, а всё потому, что в этом городе проживала моя лучшая подруга, самый заводной, солнечный человечек на свете – Олечка Прохода.

С ней мы познакомились три года назад в довольно экзотичном месте под названием «Православный лагерь для девочек», куда меня отправили в наказание за то, что я перебрала с подружками шампанского, из-за чего мама тотчас записала меня в алкоголики. Ольку же сбагрил её папа – приколист, заключив с ней, так называемый, договор: если выдержит целых три недели без нареканий, то он, так и быть, позволит ей провести остаток лета, путешествуя с друзьями на яхте по Карибскому бассейну.

Само путешествие Олю мало волновало, всё, что ей действительно было нужно – так это быть рядом со своим обожаемым Ванечкой, чтобы не дай бог, его не окрутила какая-нибудь курица, поэтому Прохода была решительно настроена утереть отцу нос. Но её папа, как оказалось, не лыком шит: знал, что долго деятельная Олька не сможет вести размеренную, тихую жизнь в молитвах и поучительных беседах. Да и вообще мало, какой человек, имеющий к религии весьма посредственное отношение, сможет. Слишком уж всё странно. Вот и нам было не по себе, поэтому уже на следующий день домой захотелось отчаянно, но сдаться, даже не попробовав свои силы, мы не могли. Пришлось осваиваться.

И надо признать, было не плохо: почти каждые два дня нам организовывали походы в горы, после мы купались в чистейшем горном озере, загорали, соревновались отрядами, дежурили в столовой, балдели в свободное время – в общем, всё, как в обычных лагерях, если опустить все эти молитвы, проповеди, посещения храмов и дресс-код, но опускать их, как раз, не стоило, чтобы не забываться.

Олька вот спустя неделю забылась, когда за шиворот выволокла из своей палатки соседку, окрестив её на весь лагерь воровкой, и такой скандал поднялся... Дьякон, будучи главным в нашем лагере, сначала попытался замять этот нелицеприятный инцидент. Да и как иначе?! Воспитанница какой-то там духовной школы и воровство! Но Оля разошлась не на шутку, высказав всё, что думает о «разожравшихся попах», «лицемерных матушках» и «церковных поборах», чем повергла всех в шок. Батюшка страшно негодовал, собрался целый совет решать участь рыжеволосой еретички.

Пожалуй, я бы посмеялась, если бы не боялась, что Ольку отправят домой. Хоть мы и не были на тот момент подругами, но я уже тогда чувствовала в ней что-то такое своё, родное, знакомое. Она была из моего круга, из понятного мне мира – такая же чужачка среди всех этих поборников морали и стяжателей духа, поэтому мне совсем не хотелось потерять «союзницу» и остаться одной в этой странной вселенной. Но на моё счастье святая инквизиция решила не спешить с «кострами», а попробовать «спасти» заблудшую душу, пораженную гордыней.

Бороться с матерью всех пороков решено было молитвами и трудом. Ольку назначили чтецом молитв за трапезой, дежурной по столовой и ответственной за уборку территории. Что же касается воровства, то и здесь крайней осталась Оля, ибо искушать «малые силы» достатком – есть еще больший грех, чем само воровство.

Всё это говорилось батюшкой с таким апломбом и горячностью, что у меня прямо мураши слонячи по коже бежали. И это после громоподобных отповедей папы Гриши! Про остальных и говорить нечего – они были поражены, зомбированы и благоговейно трепетали, готовые исполнить любой наказ своего предводителя. Наказ же сей свёлся к тому, чтобы держались подальше от паршивой овцы, дабы она не ввела «во искушение», как ту «бедную-несчастную» воровайку. В общем, Проходу моментально превратили в изгоя, и в тот же вечер соседки по палатке попросили её переселиться.

Помню, как она выскочила на улицу со своей сумкой и, послав куда подальше вожатого, направилась к реке. С виду такая гордая, дерзкая, злая, на деле же едва сдерживающая слёзы. Не знаю, как я это почувствовала, просто встретилась с ней взглядом и поняла, что если не протяну ей руку, она сорвётся и что-нибудь учудит. Поэтому я последовала за ней.

О чём мы говорили, пока сидели на берегу реки, уже не помню. В памяти сохранилось лишь то, как мы решительно идём к моей палатке и смотрим друг на друга, словно две заговорщицы.

- А твои соседки? - спросила тогда Олька.

- Думаю, они будут не против переселиться, - подмигнув, ответила я.

Так началась наша дружба. Соседки действительно посчитали за лучшее переселиться, и палатка на четверых осталась в нашем полном распоряжении. Олька, почувствовав поддержку, быстро пришла в себя, и мы с ней с удивлением обнаружили, что круто и весело может быть даже в православном лагере, если рядом «твой» человек.

Пожалуй, столько, сколько я смеялась в то лето, я не смеялась никогда. Мы бесконечно угорали: то пугали наших соседок, подсовывая им разную живность, то сбегали ночью купаться и горланили на берегу песни Бритни Спирс, то читали по ролям купленный в деревне любовный романчик, заходясь хохотом на особо томных сценах, за что нас не один раз выгоняли ночью на комары, заставляя читать по очереди псалтырь, но мы и это занятие превратили в очередную хохму: пока Олька напевала псалмы, я исполняла вокруг неё совершенно дикие танцы, отгоняя комаров, отчего подруга постоянно сбивалась, зажимая рот ладошкой, чтобы не начать смеяться в голос. Естественно, нас и тут словили, и даже обвинили в богохульстве, что на мой взгляд, было совершенно несправедливо. Мы, конечно, вели себя не лучшим образом, но наш протест никакого отношения к Богу не имел. Вот только это мало кого волновало. У этих людей вообще понятие справедливости было весьма своеобразным. Но, наверное, мне стоит быть благодарной за это, ведь именно оно подарило мне мою Ольку, и я узнала, что такое настоящая дружба.

Раньше у меня ни с кем не возникало таких доверительных отношений, хотя подруг и знакомых хоть отбавляй. Но всё было как-то поверхностно: сплетни,

тусовки, приколы. Каждый играл свою роль, корчил из себя кого-то. С Олей же хотелось быть собой, ничего не скрывая и не выдумывая. И я была, а Оля отвечала мне тем же.

За те две недели мы узнали друг о друге больше, чем о ком бы то ни было за всю нашу жизнь. Мы постоянно о чём-то говорили: делились планами и мечтами, рассказывали о своих семьях, проблемах и страхах, рассуждали о жизни и любви, и конечно, делились секретами. Оля стала первым человеком, которому я рассказала об издевательствах и домогательствах Яши Можайского.

Раньше я стыдилась. Да и некому было рассказывать. Попробовала как-то раз, рассказала папе Грише. Он же только посмеялся и пригрозил своему сынку пальцем: мол, Яшка, не обижай Таську, и на этом всё. Зато сколько дерьма пришлось выслушать от мамы...

Да как я вообще посмела ныть?! Да как совести хватило беспокоить папу Гришу?! Да сколько я могу ей жизнь портить?! Ну, и всё в таком духе.

Мама тогда ужасно боялась потерять отвоеванное место и готова была на всё, лишь бы только Можайский оставался доволен, а потому всячески обхаживала его деток и всё им спускала с рук, не понимая, что они отрываются на мне за то, что она увела их отца из семьи.

Я же окончательно убедилась, что поддержки от неё ждать не стоит, поэтому обратилась к папе Андрею, надеясь, что хотя бы он поможет. Но папа не стал заморачиваться: позвонил маме, поорал в трубку, что она дерьмовая мать и вообще сука, и на этом успокоился. В оконцовке, мама взбесилась еще больше и с остервенением избивала меня ремнём, пообещав убить, если я ещё хоть раз пожалуюсь кому бы то ни было.

«Сама с ним разбирайся или не связывайся!» – сказала она тогда. На этом тема была закрыта. Во всяком случае, для мамы.

Мне же было невыносимо обидно и больно. В тот вечер я особенно остро почувствовала себя обузой, «довеском» – как любила говорить Римма Георгиевна. Укрывшись с головой одеялом, я лежала на боку и, уткнувшись в подушку, рыдала навзрыд. У меня ужасно горела исполосованная ремнём спина, но я плакала не от боли, а от того, что никому не нужна: ни маме, ни папе, ни уж

тем более, Можайскому. Открытием это безусловно не стало, но и принять, как должное, у меня в двенадцатилетнем возрасте не получалось. Впрочем, и сейчас не получается. Хотя за прошедшие годы мне удалось выработать иммунитет на пофигизм родителей.

В ту ночь появились первые «иммунные клетки» – я поняла, что рассчитывать и надеяться могу только на себя, поэтому больше никому не жаловалась. Яша же, получив карт-бланш на издевательства, упивался вседозволенностью и не упускал ни единой возможности меня достать. С каждым разом его выходки становились всё более мерзкими и приобретали сексуальную направленность. Это пугало, и я старалась, как можно меньше пересекаться с этим ненормальным. Надеюсь, что однажды наступит тот день, когда я смогу по-настоящему дать отпор.

Этот день наступил. Помощь пришла оттуда, откуда её совершенно не ждали. Я ведь просто поделились своей обидой и страхами, ничего не прося и ни на что не рассчитывая. Прохода же, выслушав мой рассказ, пришла в такое бешенство, что пообещала прислать отцовских «быков». Она металась по берегу, как запертый в клетке зверь и придумывала одну месть за другой. Олька так негодовала, так рвалась в бой, готовая убить Можайского голыми руками, что я сначала растерялась, а после расплакалась, как дурочка.

Впервые кто-то по-настоящему услышал меня и искренни сопереживал. От этого щемило внутри и становилось легко, и радостно. Я была счастлива просто потому, что теперь не одна во всём этом кошмаре; теперь у меня есть человек, которому не всё равно, который поддержит, пожалеет и поймёт. Мне этого было более, чем достаточно, чтобы почувствовать себя нужной; чтобы открылось второе дыхание. Но как уже говорила, я ни на что не рассчитывала. В конце концов, что могла сделать пятнадцатилетняя девчонка, живущая в другом городе, если даже мои родители ничего не смогли?

Но, как оказалось, много чего. И Олька смогла. «Быков», конечно, не прислала, всё же Яша – сын генерала, и подобные методы были чреваты серьёзными последствиями, но Оля сумела-таки найти на этого отморозка управу.

Спустя месяц после возвращения из лагеря, Можайский позвонил пьяный вдрызг и заявил, что я маленькая вертихвостка, и еще отвечу за это... Что «это» я так и не поняла, но ужасно перепугалась, ожидая неприятностей. К счастью, совершенно напрасно. Яша больше даже не смотрел в мою сторону и вообще

приезжать стал крайне редко, а всё потому, что я вдруг стала девушкой одного из самых обсуждаемых парней «золотой» тусовки- Диаса Кацмана, известного своими громкими вечеринками, дружбой со знаменитостями и взрывным характером. Достаточно было одного его слова, чтобы превратить кого-то в парию и выкинуть за борт. Можайский это знал, поэтому, как только Диас намекнул ему, что надо бы со сводной сестрой быть поласковее, сразу всё понял.

Я же целую неделю ломала голову, кто пустил этот слух, а главное, почему в него все поверили. Желających стать девушкой Кацмана было не мало, так что я пребывала в недоумении, пока Диас не заявился ко мне в колледж. Сцена была прямо-таки киношная: я вышла из колледжа, и тут ко мне подрулил принц на белом «мерине». Естественно, появление Кацмана вызвало ажиотаж. Все смотрели на нас, и это жутко нервировало. Я не люблю быть в центре внимания, мне не комфортно, поэтому, когда Диас предложил рвануть на Патрики, сразу же согласилась, хотя садиться в машину к незнакомому парню, у которого в охране два амбала было как-то не по себе. Но хотелось поскорее разобраться в ситуации и всё прояснить, к тому же на Патриарших великолепно готовили мою любимую брускетту с крабом. Как тут устоять?!

В общем, любопытство вновь пересилило доводы разума, но на сей раз кошку не сгубило. Диас, не в пример многим деткам олигархов, не выпендривался и ничего из себя не корчил, сразу перешёл к сути, объяснив, что его давний кент Ваню Молодых попросил присмотреть за мной. Ну, и Кацман решил объявить меня своей девушкой, так как это самый надежный вариант выполнить просьбу друга без особых затрат энергии и сил. Да и вообще удобно – всякие дуры не достают.

Он что-то ещё говорил, но меня уже все эти тонкости мало волновали. Как только Диас сказал про Ваню, сразу стало понятно, откуда ветер дует. Олька моя постаралась. Не забыла, не отмахнулась и не успокоилась. Сказала и сделала. И от этого в душе творилось что-то невероятное, чувства переполняли и рвались наружу. Хотелось смеяться, плакать, кричать, ибо быть для кого-то настолько нужной, чтобы подключить всех знакомых и решить проблему – это дорогого стоит. И я дорожила. Всем сердцем. Всей душой. Готовая на всё ради моей Оли. И не из-за Можайского даже. А просто потому, что она подарила мне чувство защищённости и уверенность, что в случае чего, мне есть к кому обратиться, у меня есть то самое – заветное «плечо».

Всё-таки верно говорят: друг – это тот человек, с которым горе делится пополам, а радость умножается вдвое. Моя достигла таких размеров, что мне хотелось купить билет на самолёт и полететь к Проходе, чтобы просто обнять её. Наверное, я бы так и поступила, если бы не возраст. Пришлось тогда довольствоваться телефонным разговором, впрочем, как и последующие два года.

Мы постоянно были на связи: еженедельные звонки, посылки, письма. За два года у меня набралась целая полка подарков от Ольки и две огромные коробки с письмами и открытками. Мы безумно скучали, нам катастрофически не хватало живого общения. Встречи же случались крайне редко, только, когда Оля была проездом в Москве. По-другому, к сожалению, не получалось.

Как бы нам ни хотелось и сколько бы мы ни планировали, всё время что-то да не совпадало: то я уезжала на отдых, то Олька, то у неё бабушка заболела, то у меня, то у папы Гриши какие-то важные гости и отлучится никак нельзя, то у её родителей всё сложно – короче, прямо какой-то рок. Дни рождения тоже выпадали: её был в один день с моей мамой, а мой вообще по жизни выпадал, так как приходился на Новый год. Но мы не унывали, поскольку собирались наверстать упущенное в универе. Естественно, поступать решили в один. Наш выбор пал на Колумбийский и был одобрен как моими, так и Олькиными родителями. Более того, Олин папа уже даже купил квартиру с шикарным видом на Гудзон, так что всё у нас было, что как говорится, на мази. Оставалось только закончить колледж.

О том, что наше воссоединение произойдёт гораздо раньше, мы ни то, что подумать, мечтать не могли. Но жизнь, как оказалось, полна сюрпризов. Когда до меня дошло, в какой город мы переезжаем, я тут же помчалась делиться новостями с Олькой, и началось сумасшествие: мы визжали от восторга, смеялись, фонтанировали идеями и конечно, строили планы. Вот только они в очередной раз пошли по одному месту.

К сожалению, наш дом подготовили на месяц позже обещанного срока, Олька же, как и всегда в июле, укатила с мамой и братом на Сардинию, так что до августа мне предстояло развлекать себя самой.

Пока я не плохо справлялась. Природа здешних мест вдохновила меня на написание пейзажей, и теперь каждое утро я посвящала живописи. Сегодня, правда, проспала нужное освещение, о чём сестра не переставала напоминать.

– Насть, ну вставай, а то опоздаем на завтрак. Тамара Павловна, между прочим, готовит твой любимый бекон, – сообщила эта хитруля, зная, что перед беконом я не устою. Мама редко позволяет включать его в меню, заботясь о сосудах папы Гриши, так что приходится ловить момент.

– Уже на разведку сходила, – усмехнувшись, потрепала я её по светлым кудряшкам. Каролинка так забавно скосила свои огромные глазки, становясь такой милой и хорошенькой, что я не выдержала и притянула её к себе. – Ты же мой глазастик, – просюсюкала я, чмокнув её в пухлую щечку.

– А ты губастик, – подразнила она, тринькнув указательным пальчиком по моим «вареникам», отчего раздался характерный звук. Мы засмеялись и, обнявшись, откинулись на подушку, попутно щекоча друг друга.

– Всё, встаём, – бодро заключила я спустя несколько минут, и поднявшись с кровати, устремилась на балкон.

Облокотившись на перила, запрокинула голову и зажмурилась от удовольствия, когда солнце ласково коснулось лица. День обещал быть знойным, поэтому я решила сходить на озеро. Остаться дома в компании Сонечки и Риммы Георгиевны – боже упаси. Словно почувствовав, какое направление приняли мои мысли, Розамунда возмущенно твякнула и слегка тяпнула меня за пятку, отчего я подскочила на месте и едва не перевалилась через перила.

Вот ведь зараза!

Отпихнув надоедливую собачонку, в последний раз сладко потянулась и тяжело вздохнув, поспешила в душ, чтобы не опоздать на завтрак. Слушать нотации Риммы Георгиевны, конечно, не хотелось, но куда деваться? Не голодной же из-за неё ходить.

Правда, когда из столовой послышался каркающий голос старухи, распекающей кого-то на чём свет, я передумала. Лучше всё – таки остаться голодной, чем выслушивать очередной бред. Но из-за поворота появилась Сонечка, и давать дёру стало поздно.

Скривившись при виде друг друга, мы нехотя вошли в столовую и наткнулись на колючий, словно тюремная проволока, взгляд. Римма Георгиевна критически оглядев нас и, похоже, удовлетворившись увиденным, продолжила отчитывать бедную «нянечку» Розамунды.

– Я ведь вам говорила, что соблюдение режима питания – это самое главное! Розамунда-Аделаида-Стефания чемпион национального клуба, и ей требуется особый уход! Если вы не способны справиться с такой простейшей задачей, на что вы тогда вообще годны?! – чеканила она каждое слово, прожигая покрасневшую девушку презрительным взглядом.

Как по мне, это было уже через чур, но вмешиваться я не собиралась, ибо бесполезно. Бабка еще больше рассвирепеет, и достанется всем, поэтому тяжело вздохнув, прошла на своё место, стараясь не вслушиваться в происходящее, а то ведь разыграет моё чувство справедливости, и пиши пропало.

К счастью, в столовую вошли папа Гриша с мамой, и Георгиевна велела девушке заняться своими обязанностями. Я уже хотела выдохнуть с облегчением, и наконец, спокойно поесть долгожданный бекон, но как оказалось, бабуся выпустила не весь пар.

– Чёрте что! – резюмировала она и усевшись за стол, продолжила негодовать. – А потом ещё не понимают, почему живут в нищете. Несправедливость какую-то приплетают. Какая несправедливость, простите?! Самое место этим бездарям на дне социума, чтоб последний хэ доедали, глядишь, умишко заработает хоть немного! А то ведь никчёмные, тупые, ленивые, но туда же лезут: чего -то они якобы большего достойны.

– И тебе доброе утро, мама! – сыронизировал Можайский, и чмокнув Каролинку в макушку, принялся за свой кофе.

– Не язви, Гриша, – отрезала Римма Георгиевна и переведя недовольный взгляд на маму, заявила. – У вас бардак в доме: не понять кого принимаете на работу.

– Мы только переехали. Естественно, нанимали персонал впопыхах, – процедила мама, покрываясь красноватыми пятнами.

– Если я не ошибаюсь, переезд планировался с марта, – едко заметила старуха.

– Мама, ради бога, дай спокойно позавтракать, – скривился папа Гриша.

– Завтракай на здоровье, я разве мешаю? – возмутилась она с таким видом, словно и правда не понимала, чего это вдруг все на неё взъелись.

Поразительная женщина, честное слово.

Усмехнувшись про себя, я, наконец, принялась за завтрак. Пожалуй, мой аппетит столь же поразителен, как и Римма Георгиевна. Его ничем не проймешь: ни напряженной обстановкой, ни стрессом, ни болезнью, ни уж тем более, брюзжанием вредной старухи. Абсолютно невозмутимый товарищ, стабильно требующий своё, а порой, и лишка, что, естественно, сказывалось на фигуре. Пышкой я, конечно, не была, но и на модный «героиновый шик» совершенно не тянула, о чём Сонечка не преминула напомнить, когда я положила себе еще пару кусочков бекона.

– На твоём месте, я бы не слишком налегала, а то скоро щёки из-за ушей будет видать, – пропела она ехидно, кривя свои тонкие губёшки. Я хотела ей сказать, куда она может пойти со своими советами, но меня, как ни странно, опередил папа Гриша.

– Сонька, ты за собой лучше следи. Таська выглядит, как и положено женщине, а ты – хрен разберешь с этой модой: то ли девка, то ли пацан, – высказался он в своей бесцеремонной манере.

– А мне так нравится, – огрызнулась Сонечка, побагровев то ли от злости, то ли от смущения. Я, кстати, от неё не далеко уехала: тоже сидела красная, как рак. Было неловко и странно. Женщиной я пока себя не ощущала. И уж тем более, мне не хотелось ей быть в глазах отчима.

– Да ради бога, но со стороны виднее, – как и всегда, оставил Можайский за собой последнее слово.

Сонька насупилась и резанула по мне злобным взглядом, на что я незаметно для остальных показала ей средний палец.

– Овца, – прошипела она еле слышно.

Я улыбнулась и демонстративно отправила в рот кусочек бекона, томно прикрывая глаза. Сонька раздражённо фыркнула и начала с остервенением тыкать вилкой во фруктовый салат, вызывая у меня смех и удовлетворение. В этот момент я начала понимать старушку Георгиевну: доводить некоторых людей до бешенства – это действительно приятное занятие.

Остаток завтрака прошёл вполне миролюбиво. Из-за стола я выпорхнула в хорошем настроении, полная сил и идей, как провести сегодняшний день, но мама, словно почувствовав это, решила испортить мне всю малину.

– Настя, какие у тебя планы? – перехватила она меня на выходе из столовой.

– А что? – тут же напряглась я.

– Сегодня в три часа прилетает Эльвира, будь дома, я специально пригласила её ради тебя.

– Зачем?

– Затем, что я не могу доверить твои волосы не понятно кому, а восстановительный комплекс пройти необходимо. Вообще это надо было сделать сразу после отдыха, но тебе же пока мама не скажет, ты палец о палец не ударишь. Честное слово, я поражаюсь, Настя. Взрослая девушка, а я должна следить, чтобы ты регулярно посещала салон.

– О, Господи, мам! Ещё никто не умер без шоколадного обертывания и алмазного пилинга, а девяносто процентов девушек нашей страны и вовсе без этого прекрасно живут.

– Девяносто процентов девушек нашей страны, Настя, не живут, а существуют! И поверь мне, каждая мечтает оказаться на твоём месте, чтобы её единственной обязанностью было еженедельно ходить на шоколадное обертывание и алмазный пилинг. Ты же вместо того, чтобы сказать маме спасибо за то, что подарила тебе лучшую жизнь, чем-то вечно недовольна.

– Да всем я довольна, спасибо, – подавляя тяжелый вздох, отрапортовала я, мечтая поскорее уйти. Слушать очередные пафосные речи не было совершенно

никакого желания.

- Не надо мне таких «спасибо». Просто не выноси мозг по каждому пустяку. Неужели так сложно делать то, что я прошу?!

- Хорошо, мам, буду делать, - послушно кивнула я и раздражённо уточнила. - Всё? Я могу идти?

- А куда ты так торопишься? Подруга твоя приехала? - приподняв идеальной формы бровь, поинтересовалась она, не обратив, слава богу, внимание на мой не слишком любезный тон.

- Нет, она приедет через две недели.

- Кстати, - протянула мама, включая светскую львицу, - всё забываю спросить, у неё же фамилия Прохода?

Я осторожно кивнула, не понимая, к чему она клонит.

- Председатель краевого совета - её отец, получается? - продолжила она допытываться.

- Насколько мне известно, он бизнесмен.

- А-а, то есть это её дед?

- Не знаю, я такими вещами не интересуюсь, - раздраженно отозвалась я, начиная закипать.

- А должна бы, - назидательно заметила мама. - Придерживаться нужно людей своего круга.

Меня аж перекосило от такого снобизма. Интересно, где бы она была, если бы папа Гриша придерживался своего круга? Риторический, конечно, вопрос, который не имеет смысла озвучивать. Своё прошлое мама вспоминает, дабы подчеркнуть собственную значимость - с какой нищеты она поднялась, - в остальных случаях оно под запретом. Не то, чтобы меня это как-то

останавливало, просто тратить время на пустые склоки совершенно не хочется, поэтому сдерживая эмоции, я сквозь зубы процедила:

- Не волнуйся, она из «нашего круга».

- Я поняла, просто на будущее тебе говорю.

- Ага. Всё? – скривилась я, не выдержав.

- Не хами! – повысила она голос. – И нет, не всё. Ты так и не сказала, куда собралась.

- В лес собралась. Работаю над пейзажем.

- Прекрасно, я рада, что ты, наконец, перестала страдать хернёй и занялась нормальной живописью, – одобрительно покивала мама. Я не стала уверять её в обратном. Пусть думает, что я «образумилась», так будет проще «страдать хернёй». От своей мечты и планов на будущее я не отказалась, просто скорректировала их с учётом переезда.

- Ладно, я пошла, – оповестила, решив, что уж теперь -то разговор окончен, но увы...

- Подожди, звонил твой отец, аж целых два раза, – не скрывая иронии, сообщила Жанна Борисовна. – Просил срочно ему перезвонить. Они там планируют отдых, им нужно знать, когда ты приедешь, чтобы не разминуться.

- Хорошо.

- Не забудь! А то будет потом орать, словно ты им там действительно была нужна.

Меня это замечание задело за живое. Да что там?! Ударило по самому больному месту.

- А может, и правда, нужна? – сглотнув ком горечи, возразила я на чистом упрямстве. Просто потому, что мать не имеет права говорить своему ребёнку

подобные вещи.

– Ой, я тебя умоляю, – закатила она глаза, как и всегда, ничего не замечая, думая только о себе и своих обидах. – Он просто передо мной хочет себя показать.

– Неужели? А тебе не приходило в голову, что планета крутится не только вокруг тебя? – едко поинтересовалась я. У неё же вырвался шокированный смешок.

Впервые за последние пять лет я говорила с ней в таком тоне, но у меня больше не было сил молча терпеть её прогрессирующую манию величия. Достало!

– Вот, значит, как ты заговорила, – протянула она, холодно усмехнувшись. – Как всегда встала на сторону своего папочки. А ведь он ради тебя ни разу в жизни палец о палец не ударил, в то время как мать пахала день и ночь, чтобы у тебя было хорошее детство: с новогодними подарками, велосипедом, красивыми куклами; чтобы вы сидели в тепле с твоим папашей, вели душевные беседы, просвещались, читали книжечки и ни о чём не беспокоились...

Она что-то еще говорила, мне же хотелось зажать уши и орать дурниной от бессилия. Как и всегда, она ни черта не поняла, а я... Я устала от этих бесконечных упрёков, от этой войны и мести за то, что её постигла неудача в лице моего отца. Почему я должна за это расплачиваться? Ну, почему?

– Я уйду! – объявила я, грубо оборвав её. И не дожидаясь ответных слов, направилась в свою комнату.

– Свинья ты, Настя! Неблагодарная свинья! – бросила мать мне в спину.

Слышать подобные оскорбления хоть и было не ново, а всё же неприятно, настроение моментально испортилось. Купаться уже не хотелось, но и оставаться дома тоже было не лучшей идеей, поэтому я переоделась, и прихватив плеер да папку с набросками, отправилась в своё тайное место у озера.

Наткнулась я на него совершенно случайно. Когда бродила по окрестностям в поисках вдохновения, забрела аж в соседний лес за посёлком, и наткнулась там

на дырку в высоченном заборе. Естественно, меня обуяло любопытство. А как вы уже, наверное, поняли, против любопытства я совершенно бессильна. То, что это может быть частная территория, мне почему-то в голову не пришло. Посёлок был обычной деревенькой, так что мне казалось, что мы здесь единственные, кто может себе позволить свой собственный лес, точнее, его небольшую часть, которую я изучила за неделю «от» и «до».

В общем, я решила, что это какое-то заброшенное место, и без каких-либо угрызений совести воспользовалась возможностью попасть за забор. За десять минут пути ничего особенного я не увидела и хотела уже возвращаться обратно, однако услышала кряканье уток, что означало лишь одно – неподалёку есть водоём. Я пошла на звук. Вскоре деревья расступились, и у меня дух захватило от красоты.

Солнце ослепительно сияло, превращая водную гладь в россыпь бриллиантов, на поверхности которой небольшими группами реяли нежные кувшинки – лилии под залиvistое пение птиц, стрекотание кузнечиков и тихое покрякивание уток, то и дело выныривающих то тут, то там. Я была очарована этим неподдельным волшебством. Огонь вдохновения вспыхнул во мне с яростной силой. Все последующие дни я просыпалась на рассвете и бежала к озеру, чтобы запечатлеть восход солнца в своих этюдах.

Сегодня же хотелось просто посидеть в тишине, привести мысли в порядок и сделать парочку набросков, жуя кисло – сладкие яблоки, которые я повадилась рвать по дороге.

Всё-таки хорошо в деревнях летом: чего только не налопаешься, пока по улице пройдешь. Вот и я лопала, врубив в плеере «Повеяло юностью»(1). Песня Нирваны попадала под моё настроение идеально. Мне хотелось убежать далеко-далеко, чтобы стать свободной от непонимания и необходимости держать себя под замком.

Погруженная в свои мысли, я дошла до окраины посёлка и только там обнаружила, что за мной увязалась Розамунда- Аделаида – Стефания. Сказать, что я удивилась – ничего не сказать. Но поразил меня не столько неожиданный эскорт, сколько безалаберность «нянечки». И это после разгромнейшего спича Георгиевны? Обалдеть! Похоже, старуха была права в отношении этой девицы.

Усмехнувшись собственным мыслям, я выключила плеер и повернулась к королевишне.

– Ну, и что мне с тобой делать? – озвучила я проблему. Возвращаться обратно по такой жаре совершенно не хотелось.

Собачонка уставилась на меня, чуть склонив голову на бок, будто что-то понимала. Меня это позабавило, и я вдруг подумала, а почему бы не взять её с собой? Пусть бедняга немного хлебнёт свободы, а то ведь у неё вся жизнь расписана по часам. Не мудрено, что она такая вредная и злая. Да и мне будет не скучно. Дома, конечно, поднимется переполох, но думаю, им полезно немного встряхнуться.

Улыбнувшись своим коварным замыслам, я сложила яблоки в рюкзак и вновь включив плеер, позвала Розамунду.

– Пошли, горе луковое, покажу тебе большой мир.

Королевишна с энтузиазмом твякнула, и перебирая своими коротенькими лапками, посеменила следом, виляя задом в такт музыки, что вызвало у меня смех.

Так, посмеиваясь и пританцовывая, мы почти дошли до озера, пока навстречу нам не выскочило НЕЧТО...

Честно, я не сразу сообразила, что происходит. Застыла, хлопая ресницами, как дура и не верила собственным глазам. Я смотрела на это огромное чудище с широченной пастью и взглядом убийцы, и холодела от ужаса, понимая, что это не какая-то собака, а настоящая, дикая зверюга, которая собирается на меня напасть.

Не знаю, о чём думают люди перед смертью, у меня в голове было совершенно пусто. От страха парализовало каждый нерв, поэтому, когда эта махина помчалась в мою сторону, я просто зажмурилась и заорала дурниной, не в силах что-либо сделать. Я орала так истошно, ожидая неминуемой боли, что уши заложило, но вместо этого на меня вдруг обрушился отборнейший мат.

Ничего не понимая, я открыла глаза и ошарашенно замерла. Навстречу мне неслась другая... машина. Загорелая, разъярённая, мокрая и... в одних трусах. Да ни в каких-то там купальных. О, нет! На мОлодце были обычные, кричаще – красные Армани. Естественно, мой взгляд зацепился за эту яркую «точку», и я потеряла дар речи. Мокрый хлопок обрисовал причиндалы мужика, как... как... Короче, ничего не скрывая. Но вместо того, чтобы отвернуться, ну или хотя бы отвести взгляд, я продолжала пялиться, попутно отмечая, что природа мужинку не обделила. Моя Лиза, по мнению которой, маленький член – это приговор, наверняка впечатлилась бы и выдала что-то типа: «Вот это агрегат!».

Я же была просто в шоке. Член в моей жизни случился впервые (картинки и порно не в счёт), и я к этому событию оказалась совершенно не готова. От сей бредовой мысли у меня вырвался какой-то полувсхлип – полусмешок, кровь с размаху ударила в лицо, и оно моментально стало такого же цвета, как эти проклятущие брифы.

Капец! Дожила: стою и оцениваю прибор какого-то мужика. Радует, что это, скорее всего, последствия стресса, иначе я даже не знаю, к какому специалисту обращаться.

– Ты чё орёшь, как резанная?! – раздался тем временем глубокий голос, прерывая мои идиотские размышления и абсолютно нездоровый интерес.

От неожиданности я вздрогнула и вновь залилась краской стыда. Втянув побольше воздуха, постаралась прийти в себя и собрать мысли в кучу, но не особо в этом преуспела, поэтому осторожно подняла взгляд, отстраненно скользя по крепкому, будто вылитому из бронзы, тренированному телу, попутно отмечая кошмарную татуировку на плече и шрам, как от ножевого ранения, в области печени, что вызвало неприятный холодок опасности.

Повезло же однако: сначала та зверюга, теперь эта. А то, что передо мной именно «зверюга» даже не сомневаюсь. Чувствуется что-то такое дикое, неуправляемое в этом мужике, стоит только встретиться с его тяжелым, пронизывающим взглядом из-под широких, нахмуренных бровей. Он давит им, вызывая ощущение, будто я сделала что-то не то. И, как оказалось, вовсе не «будто», а сделала.

– Ну? И какого хера ты здесь, голубушка, забыла? – снисходительно интересуется он, словно у недалёкой. – В курсе вообще, что это частная территория?

Меня его тон бесит, но ответить не успеваю, из глубины леса раздаётся визг Розамунды, и внутри всё обрывается.

– Розамунда-Аделаида-Стефания! – кричу я, с ужасом представляя, как зверюга рвёт на ошмётки маленькое тельце.

– Как? – поперхнулся мужик, отвлекая меня от фантазий в стиле хоррор, а после и вовсе захохотал. Точнее заржал так, что перепуганные птицы упорхнули с веток.

– Не смешно, – отрезала я, слишком взвинченная, чтобы вспомнить, как сама смеялась, впервые услышав дебильное имя собачонки.

Да и какое уж тут веселье?

Если эта зверина, кем бы она ни была, сожрет королевишну, будет... Да пипец, что будет! Можайские меня четвертуют, но дело даже не в этом. Просто жаль собаку. Пусть она и редкостная гадина, но такой участи однозначно не заслужила. Поэтому сейчас главное – не дать зверюге полакомиться Розамундой, а уж потом разбираться с этим эксгибиционистом. Вот только сказать легче, чем сделать. От бессилия у меня началась паника, мужик же продолжал заливаться смехом, что окончательно вывело из себя.

– Хватит ржать! – истерично вскричала я. – Там огромная тварь сейчас сожрет мою собаку!

Я еще что-то пыталась ему втолковать, размахивала руками, бегая из стороны в сторону, этот же хрен в красных трусах чуть ли не ухохатывался, глядя на меня, как на какую-то танцующую обезьянку.

– Твою мать, да позови кого-нибудь на помощь! Мужчина ты, в конце концов, или как? – со слезами воскликнула я, чем развеселила его еще больше.

– А ты не рассмотрела что ли? – подколот он, смерив насмешливым взглядом. И стало так стыдно, что захотелось быть сожранной вместо Розамунды, только бы не видеть этих смеющихся глаз, снисходительно тянущих: «Ай-яй-яй, а с виду такая хорошая девочка!».

Боже, какой конфуз!

Я отвела взгляд, лихорадочно подбирая ответ, но мужик снова отправил меня в нокаут.

– Ладно, не истери, ничего с твоей Розелайдой не случится, Жора такое не жрёт.

– Жора? – тупо повторила я, переваривая информацию. И когда до меня-таки дошло, вкрадчиво уточнила, задыхаясь от возмущения. – Так это твоя зверюга?

Вместо ответа он залихватски свистнул, только – только успокоившиеся птицы вновь вспорхнули с веток и загалдели. Я же поняв, что сейчас появится эта животина, хотела запротестовать, но было уже поздно. Зверюга неожиданно, словно чёрт из табакерки, выскочила откуда-то сзади, в очередной раз перепугав меня до смерти. Вскрикнув, я отскочила к кустам и в следующее мгновение закричала уже во весь голос от пронзившей ногу острой боли.

Метнув лихорадочный взгляд вниз, с ужасом обнаружила быстро отползающую, шипящую змею и укус чуть выше лодыжки с внутренней стороны. От этой картины у меня в глазах потемнело, тошнота подступила к горлу.

– Ну, что там у тебя? – сквозь шум стучащего набатом сердца, пробился недовольный голос.

– Змея, – прохрипела я, начиная задышаться от паники.

Моя нервная система такой поворот событий после старушки Георгиевны, Сонечки, мамы и пумы, не осилила. Перед глазами всё поплыло, я пошатнулась и протянула дрожащую руку, чтобы ухватиться за какое-нибудь дерево, но вместо него наткнулась на рельефное плечо, в которое тут же вцепилась мёртвой хваткой, вонзив ногти в упругую плоть.

– Тихо, куколка, не горячись, – насмешливо пожурил «спасатель Малибу», пытаюсь отцепить мою клешню от своего плеча, но я впилась еще сильнее, боясь упасть.

В это мгновение мне было плевать, что я повисла на каком-то полуголом мужике, и что его горячая ладонь скользнула по моей обнаженной пояснице, прижимая меня к крепкому, будто выточенному из камня телу. Я изо всех сил цеплялась за него, чтобы не дать сознанию уплыть. И он не позволил: встряхнул меня, словно куклу и ощутимо хлопнул по щеке.

– Ай, больно же! – возмутилась я, вынырнув из окутавшей меня темноты.

– А ты как думала? – хмыкнул этот ненормальный, и не позволяя мне опомниться, подхватил на руки, и понёс куда-то. От неожиданности и резкой смены положения, у меня вновь потемнело в глазах. Обессиленно прикрыв их, я уткнулась носом куда-то в шею моему спасителю и с шумом втянула воздух, чтобы избавиться от головокружения, но стало только хуже, стоило почувствовать терпкий аромат его кожи.

Нет, пах он приятно: как-то так бархатно, горячо, слегка горьковато. Его парфюм, слава богу, не бил с ходу по рецепторам, вышибая дух, иначе я бы точно грохнулась в обморок. Просто мне было слишком плохо, нога нестерпимо горела и меня тошнило.

– Я не могу, – всхлипнула я, зажимая рот ладонью. – Меня сейчас вырвет. Яд, наверное, пошёл по крови...

– Не истери. Змея, скорее всего, неядовитая. Здесь полно медянок, – оборвал он мои стенания прежде, чем я накрутила себя.

Опустив меня на какое-то полотенце возле дерева, он бесцеремонно раздвинул мои ноги, и устроившись между ними, с сосредоточенным видом осмотрел укус.

– Вода есть? – снимая с меня кроссовки, кивнул в сторону моего рюкзака, брошенного неподалеку.

Я показала пальцами «ок», он же быстро нашёл бутылку, и открутив крышку, без предупреждения стал поливать ранки газировкой. Ногу задергало, и я зашипела. На глаза навернулись слёзы.

- Не реви, куколка, - закончив экзекуцию, нахально похлопал он меня по бедру.

- Никакая я тебе не куколка! - огрызнулась, взбесившись. Терпеть не могла всю эту попсу. Мужик же на мою грубость отреагировал смешком.

- Ладно, как вас тогда величать, юная леди? - снисходительно протянул он.

- Анастасией Андреевной, будьте добры, - съязвила я и поморщилась от боли. Ногу опять задёргало.

- Потерпи, Анастасия Андреевна, сейчас всё сделаю и отвезу тебя в больницу.

- Нет, я с тобой не поеду, вдруг ты маньяк какой, - отозвалась я слабым голосом, понимая, что несу откровенный бред. Но мне в моём состоянии было простительно.

Его, похоже, это заявление, как и всё происходящее, только позабавило.

- Я бы тогда так не заморачивался, - заметил он с усмешкой, укладывая мою ногу себе на плечо. - Оприходовал бы тебя под этим деревом да и все дела.

- Оприходовал? - шокировано хохотнула я, приходя потихонечку в себя и в очередной раз становясь одного цвета с его трусами.- Ты это так называешь?

- Нет, я это называю по - другому, но боюсь, тебе не понравится, - подмигнул он, скользнув взглядом между моих ног и сделав глоток воды, коснулся холодными губами горячей кожи, отчего меня пробил озноб, а потом и вовсе потемнело в глазах от пульсирующей боли, когда он начал с силой высасывать яд.

- Я умру...- всхлипнув, простонала я, откинувшись на дерево. Нога горела огнём.

– В следующий раз зато будешь знать, как шлаться, где попало, – «подбодрил» он, сплюнув воду вперемежку с моей кровью. Снова сделав глоток, протянул бутылку мне, жестом заставляя пить.

И я послушалась, поздно сообразив, что даже не протёрла горлышко, а ведь всегда брезговала, но сейчас почему-то вообще не напрягалась на этот счет. Да и, собственно, какие могут быть церемонии, когда лежишь, бесстыдно раскинув ноги перед мужиком, который сосёт из тебя кровь?! Не первая помощь, а какие-то вампирские хроники. Пожалуй, я бы посмеялась, если бы не была так смущена, и взволнованна.

В какой-то момент всё вдруг изменилось. Боль стала утихать, занавес паники и страха пал, и я, будто прозрела. Огляделась вокруг: мы были на берегу озера, прохладный ветерок приятно обдувал разгоряченное тело, неподалёку в тенике расположился Жора, он с какой-то тоской наблюдал за утками, и это было так мило, и смешно, что вызвало у меня улыбку.

Удивительно, как страх искажает наше восприятие.

Жора больше не казался мне чудовищем, я смотрела на него и видела прекрасное, невероятно – грациозное, величественное животное. Мне хотелось дотронуться до него, погладить, приручить...

Горя этими желаниями, я повернулась к его хозяину, и у меня возникло чувство, будто мир замер, стал размытым, словно на него набросили мятый, полиэтиленовый пакет.

Знаю, это звучит пафосно, но оказывается, так действительно бывает: один взгляд, и бах – твоё сердце споткнулось, сбиваясь с привычного ритма. Это не про любовь сейчас, а про ту самую пресловутую искру, когда человек попадает в твой «фокус», и что-то внутри тебя щёлкает, подобно затвору фотоаппарата. Ты вдруг начинаешь смотреть не вскользь, а по-настоящему: вглядываясь в каждую черту.

И я смотрела, как прикованная, не в силах оторваться от этого мужественного лица. Он был обалденно – красив, но совершенно не в моём вкусе. Во всяком случае, до сегодняшнего дня мне нравились светловолосые, «сладенькие мальчики», как звала их Лиза. Он же мальчиком не был, да и на «сладенького»

не тянул.

У него были крупные даже грубые черты лица: густые брови, придающие ему суровый вид, массивная челюсть, широкий нос, и сверкающие, словно сапфиры, темно-синие глаза в обрамлении длинных, по – девчачьи изогнутых ресниц. Его иссиня -черные волосы были подстрижены по-спортивному коротко, без всяких изысков, но это лишь добавляло брутальности в его образ. В общем-то, если так перечислять, то красивого во всём этом немного, но вкуче с бешеной энергетикой, нахальным взглядом и по-мальчишески открытой улыбкой получался сногшибательный коктейль. И меня уложило. С размаху так. На лопатки.

Радости по этому поводу я совершенно не испытывала, напротив, чувствовала себя идиоткой. Никогда бы не подумала, что пополнию ряды цыпуть, текущих при виде красивого мужика, но жизнь, как известно, веселая штука.

Когда он отстранился, чтобы сплунуть воду с кровью, я забыла, как дышать. Взглянула на эти влажные, вишнёвые губы и окончательно пропала. Они были такие красивые: четко-очерченные, чувственные, с умилительно – капризным изгибом, что совершенно не вязалось с его мужественным лицом и в тоже время добавляло ему пикантную нотку, позволяя разглядеть даже в таком суровом мужчине «сладенького мальчика».

Эта мысль вызывает веселье, но оно тут же сменяется волнением, стоит ему склониться к моей ноге для очередного захода. Когда его горячие губы накрыли место укуса, и он стал с силой его посасывать, легонечко касаясь языком кожи, низ живота лизнула обжигающая волна, вызывая табун мурашек. Меня никогда раньше не возбуждал какой-то конкретный мужчина, и сейчас это чувство ошеломило.

Наверное, у меня вырвался какой-то звук, потому что он вдруг замер, поднял на меня взгляд, и кажется, всё понял. Уголки его губ дрогнули в намёке на улыбку, а в глазах заискрились смешинки.

– У тебя дрожь, – заметил он тихо, заставляя пылать от стыда. – Как себя чувствуешь?

– Морозит, – выдавила через силу, стараясь не смотреть на него. Мои щёки горели огнём.

– Нога онемела? Болит? Голова кружится? – допытывался он, делая вид, что не замечает моего смущения. Я была ему безмерно благодарна за эту деликатность.

– Нет.

– Медянка -значит, но всё же надо перестраховаться, – заключил он и аккуратно опустив мою ногу, поднялся.

Я выдохнула с облегчением. Ко мне только сейчас начало приходить осознание всего происходящего, и я не знала, то ли смеяться над этим дурдомом, то ли плакать.

Как вообще так? А главное, что со мной творится? Откуда взялась эта озабоченная истеричка?

Размышляя об этом, я привстала. Мужчина кому-то звонил, расхаживая передо мной взад -вперед.

– Лёха, подгони машину к озеру и захвати шлейку для Жоры, – отдал он распоряжение и выслушав ответ, отключился, после чего сообщил. – Сейчас в больницу поедем.

– Мне нужно найти собаку, – опомнилась я.

– Не переживай, найдут твою Розелайду. На обратном пути заберёшь, – отмахнулся он, так забавно коверкая её имечко, что мне стало смешно.

– Розамунду- Аделаиду – Стефанию, – с улыбкой поправила я его. – И она откликается только на полное имя.

– С ума сойти, – покачал он головой. – Чё ты курила, когда придумывала этот кошмар?

- Это нужно спросить у одной восьмидесяти трёхлетней дамочки.

- А-а, ну, тогда понятно: дожить до таких лет и не свихнуться не каждому дано, - философски заметил он. Я рассмеялась, представив, что бы на это ответила Георгиевна, он улыбнулся в ответ и принялся собирать вещи.

Вскоре к озеру подъехал тонированный джип, из него вышел накаченный мужик, и мне стало как-то не по себе. Я с опаской покосилась на него, он ответил мне удивленным взглядом, но тут раздался голос моего спасителя, и тревога отступила. Не знаю, с чем это связано, но почему-то рядом с ним я чувствовала себя в безопасности.

Лёха пробыл недолго. Передав ключи от машины и получив указания насчёт Жоры, Розамунды и еще кого-то, он надел на Жору шлейку, и отправился куда-то вглубь леса.

- У тебя там дом? - не смогла я сдержать любопытство.

- Не у меня. Я в гостях, - отозвался Сергей Эльдарович, как стало известно из их с Лёхой разговора.

- Не знала, что здесь кто-то живет.

- А забор, по-твоему, для красоты поставили?- снисходительно поинтересовался он, словно у дурочки. - Как ты, кстати, через него перелезла?

- Ну-у, там была дырка, и я подумала, что это какое-то заброшенное место, - смущенно улыбнувшись, признала я собственную глупость.

- Шикарная логика, - хмыкнул Сергей и собрав мои вещи, отнёс в машину. Надев кроссовки, я последовала за ним.

- Как нога? - спросил он, помогая мне сесть.

- Ноет немного.

– Садись боком и клади её сюда, – похлопал он по кожаному сидению. Я послушно вытянула её, и застенчиво улыбнувшись, прикусила губу. Не то, чтобы я комплексовала из-за высокого роста, просто Сергей так смотрел, что мне становилось не по себе.

– Придётся открывать окно, – неловко пошутила я от волнения.

– Придётся, – согласился он, а после вновь заставил сгорать от смущения. – С такими ногами, Анастасия Андреевна, надо по подиумам рассекать, а не по лесам шастать.

– Не с моим аппетитом, – покраснев, сыронизировала я, и согнув немного ногу, чтобы влезла, поспешила сменить тему. – Я, кстати, так и не поблагодарила за помощь.

– Да неужели? – насмешливо отозвался он и направился к озеру.

Вернулся через несколько минут одетый в шорты и футболку. Я с одной стороны порадовалась, что, наконец, не придётся себя одергивать, дабы не пялиться, но с другой... Ой, лучше об этом не думать.

– Ну-у, я жду, – сев за руль, оповестил Сергей Эльдарович. Правда, я была вся в воспоминаниях о его красных трусах, поэтому не сразу врубилась, о чём речь.

– Чего?

– Благодарностей, Настенька, чего же еще?!

– А-а, – закатив глаза, улыбнулась я. – Ну, спасибо.

– Ну, спасибо?! Серьёзно? – возмутился он, заводя машину и тяжело вздохнув, покачал головой. – Нет, Настёна – Слостёна, «спасибом» сыт не будешь.

– А чем будешь? – помедлив, провокационно уточнила я с колотящимся от волнения сердцем. Я еще никогда ни с кем не флиртовала и сейчас до ужаса боялась это делать, но и не делать не получалось. Смотрела на этого мужчину и чувствовала, как во мне просыпается что-то такое чувственное, игривое,

жаждущее внимания.

Это пугало, и в тоже время будоражило. Хотя я понимала, что меня несёт куда-то не туда. Нельзя вот так по-свойски со взрослым, незнакомым мужчиной, нельзя строить ему глазки и делать вид, что он ровесник. Это не так. Он старше, намного старше! Лет на пятнадцать, как минимум. Вот только причём тут цифры, если ты на ком-то зависи?

(1)

-

песня

«Smells Like Teen Spirit»

группы

Nirvana

Глава 4

«Иногда самые вкусные вещи как раз самые ядовитые.»

К. Маккалоу «Поющие в терновнике»

Всё-таки привычка – вторая натура. Казалось бы, что может быть кайфовой, чем целый месяц без жены и детей? Никаких тебе «Серёжа, то, Серёжа, сё», «Пап, а можно то, а можно это», бесконечных бытовых проблем, глупых споров, выяснения отношений, навязчивых «Ты где? Ты с кем? Когда будешь?» и прочих прелестей семейной жизни.

Тишина, покой, ничего не раздражает и не мешает. Хоть выходи и как Иван Васильевич умиляйся: «Красота-то какая, лепота!». Месяц свободы: друзья,

сауны, шалавы...

Ладно-ладно, шучу. Шалавы и сауны давно в прошлом. Но и без этих разгульных радостей самое время наслаждаться отъездом жены.

И я наслаждался. Целую неделю кайфовал, не видя её кислой физиономии. Так она меня достала за последнее время, что каждая мелочь в ней до невозможности раздражала. Впрочем, это было взаимно: Ларку тоже от меня трясло, и мы бесконечно друг друга цепляли. Обстановка в доме накалилась до такой степени, что я едва держал себя в руках при детях, поэтому, когда они с Ларисой уехали, выдохнул с облегчением, и подумал, что месяц – это даже мало.

Но вот прошло семь дней, и как ни странно, я заскучал. По Ольке с Дениской, по суете, по шуму в доме и даже по Ларкиному нытью. Приезжал вечером и прямо тоска брала, странно как-то без движняка, скучно, хотя скучать по сути было некогда: с приездом этого вояки навалилась куча дел, и я уставал, как собака. Мне бы после всей этой кутерьмы спать без задних ног, так нет же херь какая-то меланхоличная прёт, того и гляди на разврат со скуки потянет.

К счастью, предаваться хандре и страдать почём зря я не собирался, поэтому в тот же вечер отправился к сестре. Зойка всегда знала, что мне нужно, и не успел я приехать, как они с Женькой тут же организовали баню, шашлыки, позвали наших общих друзей, и мы душевно посидели прямо, как в молодости: под гитару, Хеннеси, придурковатые Жекины шутки и Альбинкины танцы на столе. Хохот стоял, наверное, на всю округу.

Правда, утром многим было не до смеха. Стенали в обнимку с айраном да, как обычно, причитали на тему того, что некоторые неприлично бодры, свежи и готовы к новым свершениям.

– Долгов, вот что ты за танк?! Больше всех вылакал и хоть бы хны! – возмутилась Алька, когда я объявил, что иду на пробежку.

– Завидуй молча, тётя, – подмигнув, насмешливо парировал я.

– Ой, блиин. А ты у нас прямо бравый мОлодец.

– А чё нет что ли? Ты у кого ещё такой пресс в сорок лет видела? – задрал футболку, продемонстрировал я свои кубики, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Алька же, не выдержав, зашлась страдальческим хохотом, когда я для пущего эффекта снисходительно добавил. – Можешь потрогать, а то когда тебе еще такая возможность выпадет.

– И правда, – подыграла она, и похлопав меня по животу, театрально вздохнула. – О, сердце, успокойся и не рвись! Прямо стиральная доска.

– То-то же! Это тебе не ВиктОровскую пузень наминать.

– Ой, иди давай, бегай, Аполлон хренов, – отмахнулась она со смешком.

– Пошли, тоже взбодрись, телеса растрясёшь, – предложил я, ласково шлёпнув её по пышной заднице, за что тут же получил тычок в солнышко.

– Я уже ночью всё растрясла, так что без меня.

– Ну, и клуша.

– Да куда уж нам до вас – вечно молодых да красивых.

Я улыбнулся и махнув на прощание, отправился подтверждать гордое звание. Правда, это оказалось не так уж просто после попойки. Хватило меня минут на десять, уж больно было жарко да и не особо кайфово после бессонной ночи, поэтому пробегая мимо озера, решил, что лучше поплаваю. И разомнусь заодно, и взбодрюсь. Жора был только рад такому повороту событий. Бегать за мной по лесу в тридцатиградусную жару его вообще не прикалывало, а тут тебе и прохладно, и утки плавают – идеально одним словом.

Намотав несколько кругов по озеру, я перевернулся на спину, и блаженно прикрыв глаза, понял, что счастье есть. Тихонечко покачиваться на воде под палящим солнцем, когда тебя обдувает прохладный ветерок, и ни о чём не думать – это прямо райское наслаждение. И я наслаждался, даже почти задремал, пока не услышал истошный девчачий визг. Не увидев на берегу Жоры, мне сразу стало всё понятно.

Видимо, какая-то деревенская Дунька забрела в поисках приключений. И точно: стоит, зажмурилась, уши зажала и орет, как резанная. Жора уже с перепугу слинял давно, а она всё вопит.

Ну, Дунька и Дунька, хоть и не деревенская.

А уж, когда она глазищи свои вытаращила и открыв рот, уставилась на мой пах, словно увидела восьмое чудо света, так я и вовсе чуть со смеху не помер.

Но добила меня Розелайда - Стефания. Услышав сей бред, я хохотал, как ненормальный, девица же бегала вокруг и пыталась мне втолковать, что неподалёку ходит дикий и ужасный зверь. Я, конечно, мог её успокоить, сказав, что Жора выдрессирован и в принципе не опасен, но она так забавно истерила, что не хотелось раньше времени лишать себя развлечения.

Впрочем, можно было не переживать: с этой ходячей катастрофой скучать не приходилось. Не успела она успокоиться из-за своей Розелайды, как вновь начала визжать. Я уж подумал, она припадочная какая-то, но оказалось, её змея тюкнула. Повод, конечно, веский, но не в обморок же из-за него падать?! Хотя я и сам, надо признать, немного напрягся, не зная, за что хвататься первым делом. Путь до нормальной больницы был не близкий. А если змея всё-таки ядовитая, то лучше бы, конечно, яд хоть немного откачать.

В общем, не долго думая, я подхватил девку на руки и помчался оказывать первую помощь. Да только, как уложил её на полотенце, раздвинул шикарные, загорелые ножки, так и завис, мысленно присвистнув.

Как-то я за всей этой комедией не особо к девчонке пригляделся. Да и чего приглядываться -то?! Что я молодух красивых не видел?! Видел да ещё каких! Но вот именно таких – только разве что в сказках про Алёнушку с Иванушкой.

Девка была чудо, как хороша. Эдакая чисто – русская краса, пышущая здоровьем: ясноокая, румяная, длинноногая, с золотой косой по пояс, соболиными бровями, кукольными щечками и сочными, с ума сводящими губами. Никаких тебе выпирающих костей, приросшего к спине живота, плоской жопы и впалых щёк. И попка, и грудь, и ножки, и животик красивый – всё при ней. Налитая вся, как яблочко – так бы и укусил.

Ну, или «оприходовал» бы прямо здесь под деревом. Молодой бы я точно церемониться не стал, оттрахал бы и глазом не моргнул. Да и почему нет? Тем более, что она вон – готова уже: дышит через раз, взгляд шальной, плывущий, то краснеет, то бледнеет.

Господи, такая прелесть! Однако, я уже и забыл, что такое юные девочки-целочки, смущающиеся от каждого твоего слова и взгляда. Впрочем, меня такие раньше никогда особо и не интересовали, чтобы помнить. Я любил матёрых, объезженных девок, знающих, что и почём. А сейчас вот смотрю и понимаю, что дебилом был редкостным.

Ну, как можно вот этой свежести и невинности в каждой чёрточке предпочесть потасканную бл*дь?

Всё-таки по молодости у меня мозгов вообще не было, как и вкуса. Тащил в кровать всех подряд.

Хотя сейчас вот немного появились, и понимаешь, что такую, как Настенька тоже уже не потащишь. Её надо мороженкой кормить, в кино водить, конфетки-подарочки покупать, а ни где-нибудь на квартирке потрахивать. Я, конечно, и не собирался, уж больно у неё глазки детские, наивные, но когда в них загорелся этот чисто-женский лукавый огонёк и девочка хоть и смущенно, но кокетливо уточнила, чем сыт буду, меня прям поманило.

Взглянул на неё в зеркало заднего вида и опять завис. Она расплела свою косу, волосы рассыпались по плечам и заискрились на солнце, переливаясь, словно жидкое золото. У меня аж скулы свело от желания коснуться этой нереальной красоты.

Создает же природа...

Не знаю, что бы я выдал на волне этих мыслей, но к счастью, позвонила Зойка.

– Серёжа, что происходит? Мы тут тебя ждём, не завтракаем, а Лёша говорит, ты с какой-то девицей укатил. Где ты опять успел подцепить кого-то? – сразу же обрушила она на меня шквал вопросов и негодования.

– Не кипишуй, нормально всё. В офис подъезжай через полтора часа. И узнай, в какую больницу надо ехать, если змея укусила.

– Господи! Я надеюсь, не тебя?

– Нет, девчонку тут одну... Кстати, у тебя там в заборе где-то дырка, отправь кого-нибудь, пусть отремонтируют.

– Мда... дырка в заборе – это, конечно, прямо соблазн, – едко протянула сестра, сообразив, что к чему. – Ну, и поделом змея укусила – не будет лазить где попало.

– Злая ты, – усмехнулся я и снова взглянул в зеркало. Настенька делала вид, что не слышит наш разговор, но яркий румянец на щеках свидетельствовал об обратном, поэтому я убавил громкость динамика. Ни к чему девчонку смущать ещё больше, она и так сидит ни жива, ни мертва.

– А ты у нас, вижу, добреньким стал – сам повёз, – насмешливо заметила меж тем Зойка.

– Да я чёт не сообразил, – включил я дурачка, но сестра, конечно же, меня в момент раскусила.

– Ой, Серёжа, не заливай, пожалуйста. Знаю я, чем ты там «не сообразил».

– Ладно, не ворчи.

– Я и не ворчу, но хочу напомнить, что сейчас вот вообще не до девчонок.

– Ага. Всё, давай, увидимся в офисе, – отмахнулся я, не хватало ещё выслушивать нотации, тем более, что особого повода для них нет. Настёну – Слостёну я трогать не собирался, слишком уж зелёная она, а сейчас действительно не время, чтобы играть в мечту юной девы. На разок же её тоже как-то совсем не хочется. Жалко. Хорошая вроде девчонка, в чём мне пришлось убедиться уже в следующее мгновение.

– Сергей, ты... вы, – поправила она себя, видимо, вспомнив, что негоже «тыкать» дядьке на двадцать лет старше. – Передайте, пожалуйста, мои извинения вашим друзьям. Я, правда, не подумала...

– Да ладно тебе, я бы тоже залез, – подмигнув, успокоил я её, а то уж очень она загрузилась. И чтобы окончательно разрядить обстановку, насмешливо уточнил, возвращаясь к вопросу моей «сытости». – Ты лучше скажи мне, Анастасия Андреевна, кормить меня собираешься или нет? Я по твоей милости, между прочим, без завтрака остался, а ты мне тут всё какие-то «спасибо» да «извините» втираешь.

Естественно, она опять залилась краской смущения, я же едва сдержал смешок.

Умиляло меня это чудо. Я уже и забыл, что от женщины может пахнуть не только сексом, пресыщенностью и корыстью, но и стыдливостью, нежностью и искренним, не прикрытым никакими масками интересом.

– У меня яблоки есть, сойдёт? – выкрутилась она. Я не стал смущать её ещё больше и согласно кивнул.

– Сойдёт. Яблоки я люблю.

– Только они не мытые, я их по дороге на озеро нарвала, – предупредила она, зашуршав рюкзаком.

– Ну, оботри их там чем-нибудь.

– Да в том и дело, что нечем.

– Об топик свой оботри, – бросил я без задней мысли и только после вспомнил, что он у неё коротенький, и ей придется обтирать яблоки об свою прелестную «двоечку». Меня это повеселило. Однако фортуна ко мне благоволит. Опробовал Настьку со всех сторон: и ножки облизал, и кровушки хлебнул, осталось только яблоки со вкусом её сисичек пожевать и счастье есть.

– Может, водой полить? – предложила она, с сомнением взглянув на меня через зеркало.

- Так сойдёт, - усмехнулся я, и не оборачиваясь, протянул руку.

- Я себя прямо Евой ощущаю: со змеёй пообщалась, теперь вот яблоки раздаю, - весело заметила Настёна, вложив «запретный плод» в мою ладонь. Я хохотнул, поражаясь символизму ситуации.

- Ну, будем надеяться, что из Рая нас не выпрут, - сыронизировал я и надкусил яблоко.

Настя хмыкнула, а потом как-то тяжело вздохнула.

- Чего вздыхаешь? Нога болит?

- Нет, с ногой, кстати, всё нормально. Похоже, действительно медянка. Я за Розамунду переживаю.

- А чего за неё переживать? Найдут, никуда она не денется.

- Хорошо бы, а то мне лучше тогда от змеиного яда помереть, - призналась она со смешком, в очередной раз повеселив.

- Что, всё так печально? - сочувственно уточнил я, хотя можно было и не спрашивать. Назвать собаку на полном серьёзе тройным именем - это действительно печальный случай. Настька, видимо, собиралась сказать то же самое, но запуталась в обращении.

- А ты... ой, то есть вы...

- Да ладно уж церемониться. Мы теперь, можно сказать, одной крови, - ухмыльнувшись, дал я добро на фамильярность.

- А вот это совсем не смешно. Вдруг я каким-нибудь СПИДом болею, - вполне резонно заметила она.

- А ты болеешь? - насмешливо отозвался я.

- СПИДом – нет, но ещё кучей всяких заболеваний вполне могу, – не растерявшись, продолжила она гнуть свою линию, но малость просчиталась.

- Так и я могу, Настенька, а слюна на открытую рану – не есть хорошо.

- Ну –у... будем надеяться, что пронесёт.

- Понятное дело. Что тебе ещё остается, если ты сразу не сообразила?!

- Мне простительно, я растерялась.

- А в том и смысл, чтобы не теряться. Так что не далеко ты от меня уехала: тоже сначала делаешь, а потом думаешь, – подвел я итог.

Настёна собиралась что-то ответить, но позвонила Зойка, чтобы сообщить, что она обо всём договорилась, и в больнице нас уже ждут, а также, что парни нашли собачонку. Наказав, чтобы Леха подъехал с ней к больнице, я поспешил закончить разговор.

- Ну всё, нашли твою Розелайду. Скоро подвезут, – отложив телефон, сообщил я.

- Ой, как хорошо, – выдохнула Настя с облегчением. – Спасибо большое! Даже не представляю, что бы я делала...

- Лучше расскажи, каким ветром тебя в наши края занесло, – прервав её причитания, задал я главный вопрос.

- Э... ну, я... к бабушке приехала – погостить, – как-то не очень убедительно сообщила она. Я взглянул в зеркало, но Настя что-то с сосредоточенным видом стала искать в рюкзаке, поэтому лицо разглядеть не удалось, и я решил, не заострять внимание. В конце концов, какая вообще разница?!

- Значит, бабуля у тебя восьмидесятитрехлетняя любительница бразильских сериалов, – резюмировал со смешком.

- Не-ет. «Любительница» – это... бабушкина приятельница. Она тоже гостит.

- Весёлое у тебя лето.

- Есть такое дело.

- Ну, а в лесу ты что забыла? Бабушка разве не говорила, что это частная территория?

- Нет, конечно, иначе я бы не полезла.

- Вот так уж прям и не полезла? - подразнил я её.

- Естественно! Чужая территория - это табу, - лукаво улыбнувшись, высокопарно отрапортовала она.

- Серьёзно, однако, - протянул я. - И чего тебе в такую рань не спится? Это ведь не первое твоё нарушение границ частной собственности?

Настя, смущенно засмеявшись, нехотя призналась:

- Не первое. Уже неделю каждое утро нарушаю, чтобы запечатлеть рассвет.

- В смысле? - удивился я. Мне казалось, всё гораздо прозаичней, и девчонка просто ходит купаться.

- Я рисую. Правда, обычно не пейзажи, но здешние места очень вдохновляют, - воодушевленно поделилась она. Я же не знал, что сказать. От искусства я был крайне далёк, как и от творческих личностей, певички и актрисы не в счёт, поэтому был заинтригован.

- Значит, ты у нас художница?

- Ну, если ты, как моя мама считаешь, что татуировка - это удел наркоманов и эзков, то нет.

- То есть? - не догнав, уточнил я.

– То есть я тату-художник, – отправила она меня в нокаут, весело поблёскивая глазками, зная, какое впечатление произведёт.

Я мог себе представить, как она, подобно великосветской барышне рисует птичек и рассвет, но, чтобы тату – это у меня как-то в голове не укладывалось. Не вязалось с её образом. Однако Настёна – Слостёна оказалась полна сюрпризов.

– Интересное кино, – усмехнувшись, подивился я. – Ты не похожа на всех этих...

– Фриков? – подсказала она, забавляясь. Я рассмеялся и развёл руками, признавая, что и меня не обошли стороной стереотипы. Оставшийся до больницы путь Настя просвещала меня насчёт своего увлечения: рассказывала, как поняла, что хочет работать именно на коже; как создала свою первую татуировку; поделилась своей мечтой посетить тату – конвенцию в Париже; рассказывала, какие бывают стили, сложности и почему до сих пор ничего не набила себе. Она рассказывала с таким упоением, что я был в очередной раз очарован. Мне всегда нравились люди, горящие своим делом, от них исходит какая-то особая энергетика, и жизнь бьёт ключом. Вот и от Настьки была, и я пил её жадными глотками, вспоминая, каково это мечтать, открывать для себя что-то новое, познавать мир и смотреть на него ни как на что-то грязное, дикое, бесчеловечное, а как на нечто поистине удивительное, полное неизведанных тайн и чудесных мгновений.

Это было невероятное ощущение, словно мне снова восемнадцать. Эта солнечная девочка вызвала во мне какой-то душевный подъём, наполняла теплом и светом. Поэтому, несмотря на то, что мне до безумия хотелось продлить эти ощущения и хлебнуть их сполна, я решил, что не стану лишать Настёнку её наивных представлений о любви, мужчинах да и о мире в целом. В конце концов, для меня это лишь ещё один способ развеять скуку, а для неё наверняка станет чем-то серьёзным. Не то, чтобы я был альтруистом, но иногда, с некоторыми людьми хотелось быть всё же чуточку лучше, чем я есть, и эта малышка, как ни странно, с ходу попала в категорию людей, которых я трепетно оберегал от самого себя.

Да только это оказалось не так-то просто...

Когда припарковался у больницы, Настька выпорхнула из машины, встряхнула своей роскошной гривой, прямо как в рекламе. Волосы заструились золотым водопадом по спине до самой попки, и я на ней залип. Упакованная в коротенькие джинсовые шортики, она так и напрашивалась на смачный шлепок. У меня аж ладонь загорелась, и я на автомате потянулся, но к счастью, вовремя сообразил, что творю.

Сунув руку в карман от греха подальше, едва сдержал смешок. Давно меня так не припекало. Пожалуй, пора заехать к Ариночке – температуру сбить, а то совсем заработался, скоро крыша поедет.

Пока размышлял о своем оголодавшем состоянии, мы зашли в больницу. Нас тут же встретили и со всей любезностью проводили к врачу.

– Подождёшь? – уточнила Настя с нарочитой небрежностью, не подозревая, что глазки выдают её волнение с головой. Я, едва сдерживая улыбку, кивнул и, протянув руку, забрал у неё рюкзак, который она неизвестно зачем прихватила. Сладёнка прикусила нижнюю губку в попытке скрыть радость и поспешила в кабинет.

Осмотр длился долго, за это время я успел решить ряд рабочих проблем и даже заскучать, поэтому от нечего делать достал торчащую из рюкзака папку с Настькиными набросками. Конечно, это был чистейшей воды наглёж, но кого это волновало? Уж точно не меня. Да и что там могло быть такого особенного? Обычные рисунки.

Но, как оказалось, далеко не обычные. Открыв папку, я сразу же прифигел: с первого листа на меня оскалила зубы оторванная медвежья башка, истекающая кровью. И настолько это выглядело реалистично, что я даже потрогал потеки крови, чтобы убедиться, что они не стекут мне на шорты, но больше всего поразил взгляд медведя: горящий дикой злобой и в тоже время отчаянный какой-то, задушенный, безысходный. Он гипнотизировал и, не взирая на всю агрессию, заставлял сопереживать. Не знаю, сколько я смотрел в эти окровавленные глаза, но просто пролистать альбомчик – как изначально собирался, – не получилось. Я вдруг по-настоящему увлёкся и с интересом рассматривал каждую работу, а посмотреть было на что. Хотя в искусстве я и дуб дубом, но даже мне было понятно, что Настя невероятно-талантлива. Её рисунки пробирали, завораживали. Было в них что-то живое, цепляющее, вызывающее неподдельные эмоции. Правда, меня напрягало, что большая часть

– сплошной мрачняк. И хотя девочка превращала всю эту чернуху в нечто прекрасное, вывод напрашивался один: с горчинкой всё же Сладёна.

– Ну, как? – раздался её тихий голосок, отвлекая меня от моих размышлений. Подняв голову, встретился с напряженным, немного взволнованным взглядом.

– Красиво, – ответил на автомате, Настя нахмурилась, явно неудовлетворённая таким ответом, поэтому пришлось включать режим дилетанта. – Хотя я во всём этом вообще не секу. – открестился я. С творческими натурами хер угадаешь, что нужно сказать, чтобы не обидеть, поэтому лучше отвертеться.

– А что тут «сечь»? – улыбнувшись, села она рядом, отчего меня окутал нежный, едва уловимый аромат парфюма, который захотелось распробовать – зарыться носом в шелковистые волосы и понять, чем же именно пахнет эта девочка, какая она на вкус... Но я тут же оборвал эти мысли, и приняв серьёзный вид, вернулся к теме нашего разговора.

– Ну, как что, – сыронизировал я. – А как же все эти поиски концептуальности, контекста, формы?

Настька фыркнула.

– Меня, конечно, закидают тапками, – с усмешкой заявила она, – но я считаю, что весь анализ должен сводиться к «нравится» или «не нравится». Читать же биографию художника, изучать эпоху, в которой он жил, чтобы понять контекст его картин – чистейшее придурство. Искусство должно говорить само за себя и быть понятным каждому. Как говорил Лев Николаевич Толстой: «Великие предметы искусства только потому и велики, что они понятны и доступны всем.»

Я хмыкнул и весело уточнил:

– Значит, можно смело присваивать статус «говна» всему, что я не понял?

Настька рассмеялась.

– Резонно. Но да. Искусство, оно, как ни крути, субъективно. И если тебя что-то ни коим образом не зацепило, значит, это произведение не имеет для тебя

никакой ценности, а следовательно – говно. Другое дело, что твоё мнение не всегда истина в первой инстанции.

– А чьё же тогда истина?

– Большинства.

– Ну, у толпы, обычно, вкусы еще те.

– А в том, наверное, и смысл, чтобы отвечать потребностям общества и быть отражением своей эпохи.

– Мне всегда казалось, что гениальность заключается в том, чтобы быть актуальным во все времена, – подразнил я её, с удивлением отмечая, как легко и ненавязчиво Насте удалось вытянуть меня на разговор о вещах, которые никогда не были мне интересны.

– Возможно... Но, к сожалению, многим из тех, что опередили своё время, пришлось дожидаться его не в самых комфортабельных условиях, поэтому я предпочитаю быть востребованной, нежели гениальной, – резюмировала она, в очередной раз переворачивая мое представление о себе. Я –то думал она из мечтательниц – идеалисток, но нет, эта девочка, судя по всему, на вещи старается смотреть реально. Конечно, не без налёта наивности, но это лишь добавляло ей толику очарования. И я с каждой минутой очаровывался всё больше и больше. Особенно, когда она достала из папки рисунок, на котором было изображено Зойкино озеро, и протянув мне, весело поинтересовалась:

– Ну что, готов присвоить моей работе что-то повыше статуса «говна»?

– Да без проблем, если расскажешь, что нужно делать, – усмехнувшись, забрал я у неё набросок.

– Ничего особенного, Сергей Эльдарович. Просто смотреть и говорить всё, что в голову приходит, – рассмеялась она, но тут же облегчила задачу. – Какие три наречия тебе приходят на ум, глядя на этот этюд?

– Три наречия... – пытаюсь принять серьезный вид, задумчиво отозвался я, всматриваясь в «этюд».

Боже мой, слова –то какие! Однако я со Слостёной за эти пару минут культурно обогатился больше, чем за всю жизнь походов с Ларкой по театрам, галереям и выставкам.

– И? – протянула Настенька взволнованно. – Если ничего на ум не идёт, то это тоже нормально. Значит, всё-таки «говно».

– Не тарихти, Настёна, дай сконцентрироваться. Надо же вдуматься, всмотреться, в конце концов, – дурачась, провозгласил я.

– Да ну тебя, – отмахнулась она немного обиженно и протянула руку, чтобы забрать рисунок, но я увернулся.

– Не мешай новоявленному эксперту.

Настька закатила глаза и улыгнувшись, покачала головой.

Я же, отбросив шуточный тон, поделился впечатлениями, понимая, что для неё это действительно важно:

– Однозначно, твои работы цепляют. Есть в них что-то живое. И этот рисунок не исключение.

Настя замерла и кажется, даже дышать перестала, я же закончил наречиями, как она и просила:

– Я бы охарактеризовал как: робко, загадочно, нежно.

– А говоришь, не сечёшь, – пожурила она меня, пытаюсь скрыть смущение и довольную улыбку. Глазки же так радостно засверкали, становясь зелёными – зелёными, словно изумруды, что я засмотрелся, в то же время поражаясь самому себе.

Никогда раньше не обращал внимание на такие мелочи. Помнится, Ларка даже развела из-за этого целую трагедию. Какого бреда я только не наслушался, когда она обнаружила, что я не в курсе, какой у неё цвет глаз: и не любил я её никогда, и не ценил, и скотина вообще бесчувственная, и как так можно, и что я за муж такой, и... В общем, повеселила она меня тогда знатно.

Всё –таки бабы забавные существа: то, что я с ней двадцать лет прожил – это как бы не считается, а вот цвет глаз – это да, это показатель! Интересно, то, что я этот цвет у Настьки заприметил означает что-нибудь? По Ларкиной логике я уже должен быть по уши, но поскольку женская логика – вещь крайне сомнительная, то...

– Спасибо, – словно что-то почувствовав, прервала Настенька ход моих мыслей.

– За правду не благодарят. Ты очень талантлива.

– Правда? – робко уточнила она, словно никогда раньше не слышала ничего подобного.

– Правда, Слостён, – улыбнувшись, шепнул я и не удержавшись, заправил ей прядь волос за ушко, ласково коснувшись порозовевшей щёчки, отчего пальцы, будто током прошило.

Настя тяжело сглотнула, наши взгляды встретились, и у меня кровь вскипела. Смотрел в эти наивные, горящие глаза, ещё не умеющие скрывать свои чувства и желания, и голову терял. Все благие намерения летели к такой –то матери.

Я её хотел. Хотел зверски, нестерпимо, до ломоты во всем теле. И не просто отыметь, а себе. Надолго. Вот такую чистую, сладкую, нетронутую, нежную. Утонуть в ней, захлебнуться, жадно вылизать всю, сожрать...

Словно в ответ на мои больные фантазии у Насти заурчало в животе. Меня это, конечно, ничуть не отрезвило, а вот Слостёнка смутилась: нервно усмехнулась и отстранившись, нарушила звенящую от зашкаливающего напряжения тишину.

– Кушать хочу, – покраснев, призналась она. – Всегда, когда понервничаю, аппетит просыпается.

Я хмыкнул и попытался усмирить своих демонов, но они оказались шустрее...

- Ну, тогда поехали кушать, - предложил прежде, чем понял, куда меня понесло.

- Поехали, - без раздумий согласилась она, сводя на «нет» мои попытки обрести хоть какую-то порядочность. - Только мне нужно сначала позвонить, предупредить, что задержусь.

- Конечно, бабушку нельзя заставлять волноваться, - усмехнувшись, кивнул я.

Настька поспешила отвести взгляд, убеждая, что чего-то она привирает насчёт своей бабки.

Выяснить это сейчас я, конечно, не собирался, но на будущее пометку сделал.

На какое будущее, Серёжа? - тут же уличили меня остатки совести. - Покорми ласточку и отпусти, пусть летает дальше, не ломай крылышки.

Поскольку мне не хотелось трахать себе мозг, то я решил, что именно так и поступлю. В конце концов, всё равно бы заехал пообедать, а с Настькой хоть не скучно.

Пока она договаривалась с бабкой, я отблагодарил медперсонал, позвонил в ресторан, чтобы к нашему приезду уже всё было готово, а после скинул Лёхе сообщение, чтобы перекантовался где-то час с Розелайдой.

У Сластёны, видимо, возникли какие-то проблемы, потому что из динамика орала во всю глотку, и хоть слов было не разобрать, голос явно принадлежал не бабке, а матери.

- Ты меня уже достала с этими волосами! Я их отрежу к чертям! - психанув, заявила меж тем Настька.

- Только попробуй, я тебя потом убью, дрянь такая! - было ей ответом. Тон сего послания мне, конечно, не понравился, но в принципе, я поддерживал: отрезать такие волосы - кощунство.

Сластёнка же раздражённо сбросила вызов и отключив телефон, подошла ко мне.

- Что, «бабуля» не одобрила наши планы? - с усмешкой поинтересовался я.

- Да ну её, - отмахнулась она. - Совсем уже сдурела.

- Ей-то простительно, а вот ты... Не вздумай обрезать волосы!

- Ещё один, - закатила Настя глаза. - Не волнуйся, обрезать я их не намерена, они мне самой нравятся.

- Тогда поехали, кормить тебя будем.

- А тебя нет? Ты у нас вроде тоже голодным был.

- Ну, я-то вечно голодный, - ухмыльнулся я.

Настька, прищурив глазки, недвусмысленно взглянула на меня, я же подтолкнул её к выходу от греха подальше, но, как оказалось, всё только начинается.

В машину она села на переднее сидение, и мне открылся шикарный вид на её длиннющие ножищи.

- Какой у тебя рост? - не удержавшись, полюбопытствовал я. Настя удивленно покосилась, но помедлив, всё же ответила:

- Метр семьдесят семь.

- Охренеть - не встать! - вырвалось у меня.

- Все охреневают, - усмехнулась Сластёна невесело.

До меня же только дошло, что я выдал.

- Насть, ты обиделась что ли? Я же наоборот...

– Я поняла, – прервала она меня с мягкой улыбкой. – В любом случае, у меня уже давно нет комплексов на этот счёт.

– А что раньше были? – удивился я. Комплексовать с такими данными – это надо быть замороченной на всю голову.

– Конечно, – протянула Настька со смешком. – Все девчонки такие миниатюрные, аккуратненькие и я... шпала.

– Шпала?! – хохотнул я, но не успел охренеть с её загонов, как она пояснила:

– Пацаны так звали класса до восьмого.

– А-а... вон оно чё, а то я уж хотел тебя лечить в срочном порядке. Ну, до восьмого класса мы все соплечьё бестолковое, – заверил я её, вспоминая себя мелкого. Я тогда, помнится, тоже Натку Гриднёву шваброй звал. А потом подросток и успокоиться не мог, пока трусы с этой «швабры» не стянул.

– Вот и тётя мне говорила: «Подожди, Настя, сейчас подрастут эти идиоты малолетние, и начнут о длинноногих шпалах мечтать, да только пока сопли прожуют, умник какой-нибудь подсуетиться.»

– И как? Подсуетился? – насмешливо уточнил я, искоса взглянув на неё и даже напрягся слегка в ожидании ответа.

– Прямо. Кругом одни идиоты, – смущенно улыбнувшись, отшутилась она.

Мне стало смешно, ибо я, как раз, собирался пополнить бесславные ряды, но выбор нынче невелик: либо идиотом, либо – мудаком. Мне, конечно, мудаком привычней, но ни к чему это сейчас. Лишние хлопоты, да и Настенька – натура творческая, эмоциональная: страдать начнёт, мучиться, а мне потом на рисунках её красуйся с оторванной башкой или ещё чем похуже... Так что нет, побаловались и хватит.

– Настька, а ты мясо-то ешь? – хватился я, когда подъехали к ресторану. – А то ты, может, веган, а я тебя в мясной ресторан притащил.

– О, нет, это не моя история! – открестилась она, выходя из машины. – Я ем всё и много, так что со мной лучше по ресторанам не ходить.

– А кто сказал, что я собираюсь за вас платить, Анастасия Андреевна? – подколот я её.

– Я, – просто отозвалась она, и подмигнув, насмешливо добавила. – Вот прямо сейчас говорю: позвали меня в ресторан – значит будьте любезны платить.

– А как же женская эмансипация, феминизм?

– Исключительно в разумных пределах.

– «Разумные» – это случайно не те, которые выгодны?

– Случайно? – невинно уточнила она, и лукаво ухмыльнувшись, покачала головой. – Ни в коем случае, Сергей Эльдарович.

– Я так и понял, Настён, – рассмеялся я. Обожаю женщин с их очаровательнейшими ужимками.

Так, шутя и посмеиваясь, мы вошли в ресторан. Настька пришла в восторг от вида на реку, я же был удивлён, что она ни разу здесь не была. В городе не так уж много мест для людей с достатком выше среднего, а Настенька определенно из мажоров – один рюкзачок от Луи Витон чего стоил, – поэтому мне это показалось странным, но я не стал заострять внимание.

Нас проводили за стол на террасе, где всё уже было накрыто, разговор зашёл о высокой кухне, и экзотических блюдах, которые мы пробовали. Настьке, конечно, удивить меня не удалось, но повеселить – определенно. Рассказ о том, как она пыталась съесть скорпиона был великолепен. Я давно так не смеялся, да и вообще уже забыл, что с женщинами можно по-настоящему хорошо проводить время. С женой сплошная бытовуха, с любовницей только секс, с сестрой в последнее время одна работа да деньги, даже с дочерью и то только «папа, можно», «папа, дай», про остальных и говорить нечего, а чтобы вот так: душевно, тепло, уютно... так давно не было, поэтому я смотрел на Слостёнку, с аппетитом уплетающую стейк, и прямо кайфовал.

– Ну, расскажите о себе что ли, Анастасия Андреевна. Сколько лет, где учитесь? – предложил я, пока мы ждали десерт.

– Учусь? – поперхнувшись, переспросила она.

– Ну, да. В каком университете?

– Э... ну... В Сельском, на пятом курсе, – выдало это чудо.

Несколько секунд я смотрел на неё немигающим взглядом, и пытался изо всех сил сдержать хохот, она же краснела всё больше и больше, убеждая меня в том, что врёт паразитка. Благо, принесли десерт, иначе я бы не выдержал и начал ржать.

Это надо такое отмочить – в «Сельском» она учится.

– «Сельский» – это который Йельский или который Сельхоз? – прикололся я, делая глоток чая. Сладёнка, сообразив, что ляпнула, зашлась смехом, мне же стало любопытно, как она выкрутится, а главное – зачем ей понадобилось засовывать себя хрен пойми куда. Люди, когда врут, обычно замахиваются на что-то более перспективное, а тут – Сельхоз. В общем, заинтриговала девочка.

– В Сельскохозяйственном, – просмеявшись, с покаянным видом подтвердила она, видимо, решив, что я купился. Конечно, я мог бы ей сказать, что из неё студентка «Сельскохозяйственного», как из меня балерина, но за её потугами было забавно наблюдать, поэтому продолжил веселиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/raevskaya_polina/paranoyya-pochemu-on

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)